

175

Ежеквартальный
журнал ЮНЕСКО

museum

ISSN 0255-0881

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕИ
И МУЗЕИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

“Museum”, международный ежеквартальный журнал, посвященный теории и практике музейного дела, издается Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в Париже.

Журнал выходит в Париже на французском и испанском языках, в Оксфорде — на английском, в Каире — на арабском, в Москве — на русском.

№ 175, (№ 1, 1993)

На внешнем развороте обложки:

Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы». В центре слева направо: Покровская церковь (1764), колокольня (1874), Преображенская церковь (1714). Photo: © ICOMOS, Paris.

Директор: Анна Райдл
Главный редактор: Артур Жиллет
Исполняющий обязанности главного редактора: Алисон Клейсон
Новый главный редактор: Марсия Лорд
Помощник редактора: Кристин Уилкинсон
Художественный редактор: Кароль Пажо-Фон
Редактор издания на арабском языке: Махмуд эль-Шенити
Редактор издания на русском языке: Ирина Пантыкина

КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ КОМИТЕТ

Ом Пракаш Агравал, Индия
Иззат Дин Башауш, Тунис
Крейг Блак, США
Гаэль де Гишен, ИККРОМ
Жан-Пьер Моан, Франция
Сун Гиль Пак, Республика Корея
Стелиос Пападопулос, Греция
Элизабет де Порт, исполняющий обязанности генерального секретаря ИКОМ, *ex-officio*
Роланд де Сильва, президент ИКОМОС, *ex-officio*
Лисе Скёт, Дания
В. А. Суслов, Российская Федерация
Шаже Тишуйла, Заир
Нэнси Хашн, Канада
Томислав Шола, Югославия
Яни Эрреман, Мексика

Адрес главной редакции: ЮНЕСКО, Франция, Париж, 75700, Плас Фонтенуа, 7
Телефон: (033) (1) 45 68 43 39
Факс: (033) (1) 42 73 04 01

Ответственность за подбор и изложение фактов в подписанных статьях несут сами авторы. Высказанные ими мнения могут не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО.

Встречающиеся в статьях формулировки и определения, которые касаются правового положения государств, территорий, городов и регионов, а также их управления или определения границ между ними, могут не отражать позиции ЮНЕСКО по затрагиваемым проблемам.

Перепечатка и перевод опубликованных материалов разрешены (за исключением тех случаев, когда указаны владельцы права на воспроизведение и перевод). При цитировании необходима ссылка на автора и источник.

Уважаемый читатель!

Если Вы живете или работаете в Москве, Вы можете оформить подписку на журнал “Museum” в редакции, минуя отделения связи и Роспечати и экономия на доставке. Стоимость одного номера журнала в первом полугодии 1993 года — 15 рублей. Позвоните нам по телефону: 247 17 94 или напишите по адресу: 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17, Объединенная редакция журналов ЮНЕСКО.

Наши цитаты

«Если сравнить искусство наших дней и средневековья, то можно сказать, что сейчас, как и в ту далекую эпоху, утонченные эксперименты элитарного характера сосуществуют с крупными предприятиями, рассчитанными на широкую публику (между иллюминированной рукописью и собором существуют такие же отношения, как между нью-йоркским Музеем современного искусства и Голливудом — с постоянными взаимными обмена и заимствованиями)».

Умберто Эко
The Return of the Middle Ages

Просим внести изменения в адрес греческого Музея Матери, опубликованный в № 171:

Greek Museum of Mother,
Collection Economopoulos,
K. Tsaldari 2,
Apo Elioupoli,
16342 Athens,
Greece

Издание на русском языке осуществляется А/О Издательская группа «Прогресс»

Объединенная редакция журналов ЮНЕСКО на русском языке
Главный редактор: А. Мельников

“Museum”
Редактор русского издания:
И. Пантыкина
Редактор: Э. Будрина
Художественное и техническое редактирование: И. Цалкина

© ЮНЕСКО, 1992
© Перевод на русский язык «Прогресс», 1993

Напечатано в Российской Федерации

Адрес русской редакции:
119847, ГСП, Москва, Г-21,
Зубовский бульвар, 17
Телефон: 247 17 94

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

Этнографические музеи и музеи под открытым небом

Мартин Жауль	<i>Этнографические музеи сегодня</i>	4
Жан-Клод Дюкло, Жан-Ив Вейяр	<i>Музеи этнографии и политика</i>	5
Хартмут Праш	<i>Окружные и местные музеи Австрии: возможен диалог</i>	9
Лилиан Клебер-Шварц	<i>От Музея колоний – к музею общин</i>	13
Мари-Одиль Марнон	<i>Экспонирование предметов традиционных ремесел: эксперимент в Мексике</i>	18
Кристофер Зойнер	<i>Музеи под открытым небом: некоторые размышления в связи с празднованием юбилея</i>	23
Эва Норденсон	<i>Вначале был Скансен</i>	25
Адриан де Йонг, Метте Скоугорд	<i>Первые музеи под открытым небом: о народных традициях – музейными средствами</i>	27
Тоби Томпкинс	<i>Слабое пиво, крупные свиньи и англо-голландская война 1627 года</i>	34
Алан Гейли	<i>Конфликт в Северной Ирландии и роль Музея народного быта в его разрешении</i>	41
Борис Гуцин, Виола Гуцина	<i>Кижки нужны всем</i>	46
Анна Майничева	<i>Всемогущее время</i>	50

...ПОСТОЯННЫЕ РУБРИКИ
...НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

РУБРИКИ

Город и его музеи

Эмин Рица

Город-музей Гирокастра

54

Возвращение культурных ценностей

Сообщение редакции
журнала "Museum"

*Предметы, вывезенные военнослужащими
США, возвращены Германии и Австрии*

57

Откровенный разговор

Элизабет Йейтс

Городской лес Шилинг в Нью-Хэмпшире

58

Хроника ВФДМ

Краткое сообщение

61

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

Сообщение редакции
журнала "Museum"

От тигров – к народу Раджастхана

62

Мохамед Бентабет

Музеи-побратимы в Алжире и Венгрии

64

При посещении этнографических музеев и музеев под открытым небом складывается впечатление, что они не только рассказывают о повседневной жизни простых людей, но и созданы для них. Когда идешь на концерт камерной музыки в крупную галерею современного искусства, надеваешь галстук и соответствующий костюм. Фольклорный концерт в музее под открытым небом не предъявляет таких требований: здесь вполне подойдут тенниска и шорты. В основном в этнографических музеях экспонируются предметы народной жизни, и их посещают простые люди.

Из этого не вытекает, конечно, что народная культура является чем-то менее значительным по сравнению с Высокой культурой, так же как не справедливо было бы и обратное утверждение. Но если все больше признается ценность и значение народной культуры (оставим в стороне редкие случаи ее девальвации, происходящие из-за неумеренной коммерциализации или демагогии), то этим она в значительной степени обязана пользующимся немалой популярностью этнографическим музеям и музеям под открытым небом, в которых царит жизнерадостная атмосфера.

Однако, предпринимая энергичные и достойные похвалы попытки сохранять и экспонировать представляющие огромный интерес реликвии безвозвратно ушедших эпох, не проявляют ли иногда эти музеи тенденции игнорировать или даже отбрасывать настоящее? Лучше задать тот же вопрос в другой форме: не лежит ли на таких музеях, как хранителях и популяризаторах народной культуры, особая ответственность за решение проблем, связанных с повседневной жизнью современных людей?

Многие специалисты считают, что это именно так. Вот один пример. На заседании Международного комитета музеев этнографии, состоявшемся в 1989 году в Нидерландах в рамках Генеральной конференции ИКОМ, д-р Вольфганг Мей из гамбургского Музея этнологии предложил создать рабочую группу для изучения вопроса о том, какими путями этнографические музеи могли бы бороться с нарушением прав человека.

Таким образом, сейчас весьма важно и своевременно заняться изучением того, как этнографические музеи и музеи под открытым небом решают серьезные проблемы современности. Этому и посвящен основной раздел данного выпуска журнала "Museum".

Координатор первого подраздела, рассказывающего о музеях этнографии, — Мартин Жауль, хранитель в Национальном музее народного искусства и обычаев (Париж), член бюро Французского национального комитета ИКОМ. Координатор второго подраздела, знакомящего с музеями под открытым небом, — Кристофер Зойнер, директор Музея под открытым небом Уильда и Даунленда (Великобритания), президент Ассоциации европейских музеев под открытым небом. Редакция журнала "Museum" горячо благодарит обоих координаторов за большой вклад, внесенный ими в работу по составлению данного номера.

А. Ж.

P.S. С выпуском этого номера я оставляю должность главного редактора. Занимая ее в течение трех лет, я стремился вдохнуть в журнал "Museum" новую жизнь. Хочу выразить благодарность членам Консультативного редакционного комитета, редакторам изданий журнала на других языках и коллегам из секретариата ЮНЕСКО — особенно помощнику редактора Кристин Уилкинсон — за их творческое и плодотворное сотрудничество. Хочу также поблагодарить многих читателей журнала "Museum", ответивших на анкету, опубликованную в № 168/169. Ваши идеи и предложения принесут неоценимую пользу при составлении будущих номеров журнала.

Этнографические музеи сегодня

Мартин Жауль
(Martine Jaoul)

Этнографические музеи, музеи народного искусства, областные и местные музеи, экомuzeи, музеи фольклора... Трудно даже перечислить и классифицировать все эти музеи, которые, однако, рассматривают себя как учреждения, способствующие утверждению самобытности.

В 1991 году на состоявшемся в Мюлузе национальном совещании руководителей учреждений, хранящих коллекции такого типа, для их обозначения во Франции был предложен общий термин — *музеи общества*. Будет ли это определение принято в других странах? Не является ли сам факт поисков термина свидетельством существования проблем у учреждений такого рода? В самом деле, в публикуемых ниже статьях в том или ином виде лейтмотивом проходит тема сложных взаимоотношений *музеев общества* и «их обществ». Жан-Клод Дюкло и Жан-Ив Вейяр открывают дебаты, утверждая, что этнографический музей является также местом общественной дискуссии, а следовательно — политической ареной. Они обращают внимание на то, как трудно хранителям оставаться независимыми и объективными перед лицом проблем, которые встают перед «их обществом». Вслед за ними Хартмут Праш размышляет о том, как можно добиться сотрудничества «больших» и «малых» музеев.

Доминирующие общества и группы меньшинств — в контексте этих весьма актуальных проблем Лилиан Клебер-Шварц, рассматривая культурную деятельность Музея искусства Африки и Океании в Париже, ставит вопрос: есть ли у иммигрантов «свой» музей? Наконец, в связи

с этнографическими музеями встает вопрос о проведении научных исследований и практических полевых работ. Об этом рассказывает Мари-Одиль Марион, основываясь на осуществленном ею в Мексике эксперименте по экспонированию изделий ремесленников.

Дебаты о *музеях общества* принимаются в Европе, где основываются новые экономические и политические структуры, совершенно особую окраску. Вот почему парижский Национальный музей народного искусства и обычаев совместно с Французским национальным комитетом Международного совета музеев (ИКОМ) занимается подготовкой первого европейского совещания этнографических музеев, которое пройдет в Париже в феврале 1993 года.

На этом совещании будет уделено особое внимание обсуждению функций, роли и будущего этнографических музеев в Европе. Одной из практических целей совещания станет создание общеввропейской сети музеев общества в пределах географических границ континента.

Совещание будет сопровождаться целым рядом мероприятий, посвященных этнографии Европы и ее этнографическим музеям. Читатели данного номера журнала "Museum" могут принять в них участие. ■

Музеи этнографии и политика

Жан-Клод Дюкло, Жан-Ив Вейяр
(Jean-Claude Duclos, Jean-Yves Veillard)

Музеи этнографии в большей степени, чем музеи других типов, связаны с повседневной жизнью, ведут диалог с эпохой, в которую мы живем. Как им выбрать правильный путь, найти золотую середину, чтобы, имея определенную нравственную позицию, не быть чересчур политизированными. Именно эту проблему пытаются осветить авторы данной статьи. Жан-Клод Дюкло был директором Природного парка Камарг, а с 1981 года является хранителем Музея Дофинуа в Гренобле. Жан-Ив Вейяр — бывший хранитель Музея Бретани в Ренне, а с 1987 года — хранитель Экомузея в Ренне.

Существует несомненная связь между быстрым ростом этнографических музеев в девятнадцатом столетии и развитием наук, связанных с этнологией, с одной стороны, и интересом, проявляемым в то время империалистическими державами к их колониям, — с другой.

Многие страны придавали большое значение своему участию в первых крупных международных манифестациях, известных как «всемирные выставки», что объясняется не только желанием развивать торговлю, но и стремлением заявить о своем существовании и своем своеобразии. Впрочем, представленные именно на этих выставках (особенно в 1867 и 1878 годах) сцены из жизни, воссозданные с помощью декора, различных предметов и манекенов в подлинных костюмах, явились первыми признаками интереса к местной истории. Позднее такие сцены постоянно включали в экспозиции музеев этнографии.

Основан в 1891 году в Арле (Франция) Музей Арлатен, или Пале дю фелибриж (Дворец движения за возрождение провансальской литературы) — один из первых музеев местной этнографии. — провансальский поэт Фредерик Мистраль заявил: «Это лучший способ дать человеку представление об истории, привить ему чувство патриотизма, любви к земле и уважения к предкам». Таким образом, Мистраль отстаивал определенную политическую систему.

Когда в побежденной Германии появились *Heimattuseen* (музеи родного края), которые стремились показать ценность народных культурных традиций, добиться того, чтобы человек испытывал чувство гордости от сознания своей причастности к немецкому народу, к арийской расе и, наконец, продемонстрировать ее превосходство, за этим проглядывали четкие политические цели.

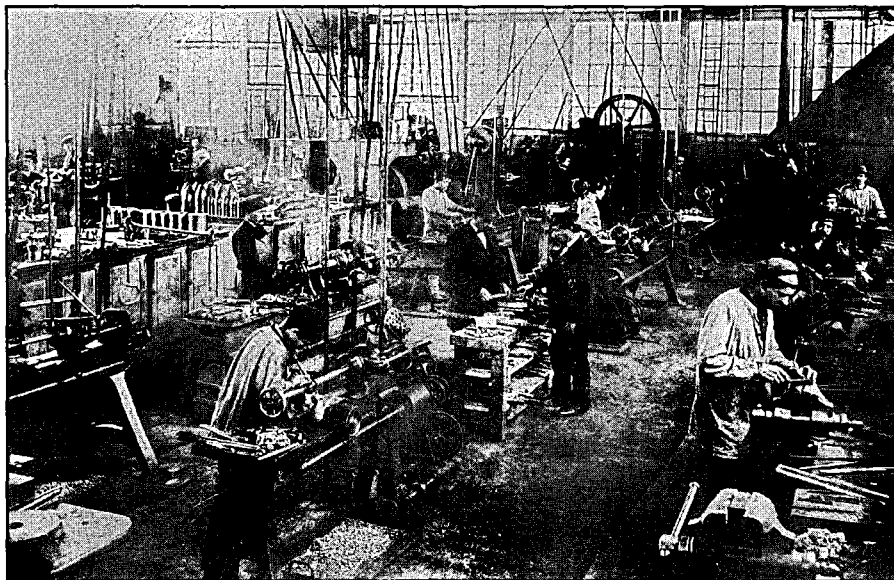
Создание в более близкое к нам время, в конце шестидесятых годов, по другую сторону Атлантического океана музеев общин, призванных дать социальным группам, находящимся в неблагоприятных условиях, доступ к их собственной культуре и побудить их самих взять в руки свое будущее, также связано с политической идеей.

Уверенность в своих силах

Рождение и развитие экомузеев связано со стремлением защитить свою окружающую среду и свою самобытность, когда же речь идет о Франции — с последствиями событий мая 1968 года. И если концепция экомузея имела в мире такой успех, то это потому, что она продемонстрировала свое несогласие с игнорированием самобытности со стороны господствующей или даже деспотической центральной власти. До сих пор музей использовался государством как средство утверждения самобытности всего народа, теперь он служит этническим и социальным группам, пытающимся встать на ноги и добиться признания. На такой позиции стоят многие экомузеи, созданные в Квебеке между 1979 и 1984 годами (От-Бос, Фьер-Монд, Энсюлэр, Ла-Валле-де-ла-Руж, Дерив и другие), определившие свой подход как противоположный подходу классического музея; в наши дни их иногда называют музейми-бунтовщиками. В Европе — от Норвегии до Каталонии и Португалии (в последней — после демократической революции 1974 года) — в семидесятые — восьмидесятые годы было осуществлено множество этномузеологических экспериментов того же характера.

«Только тот, кто живет своей культурой и дает ей жизнь, способен понять, что такое новые независимые структуры», — отмечает Альфа

Сборочная мастерская, 1881 год.

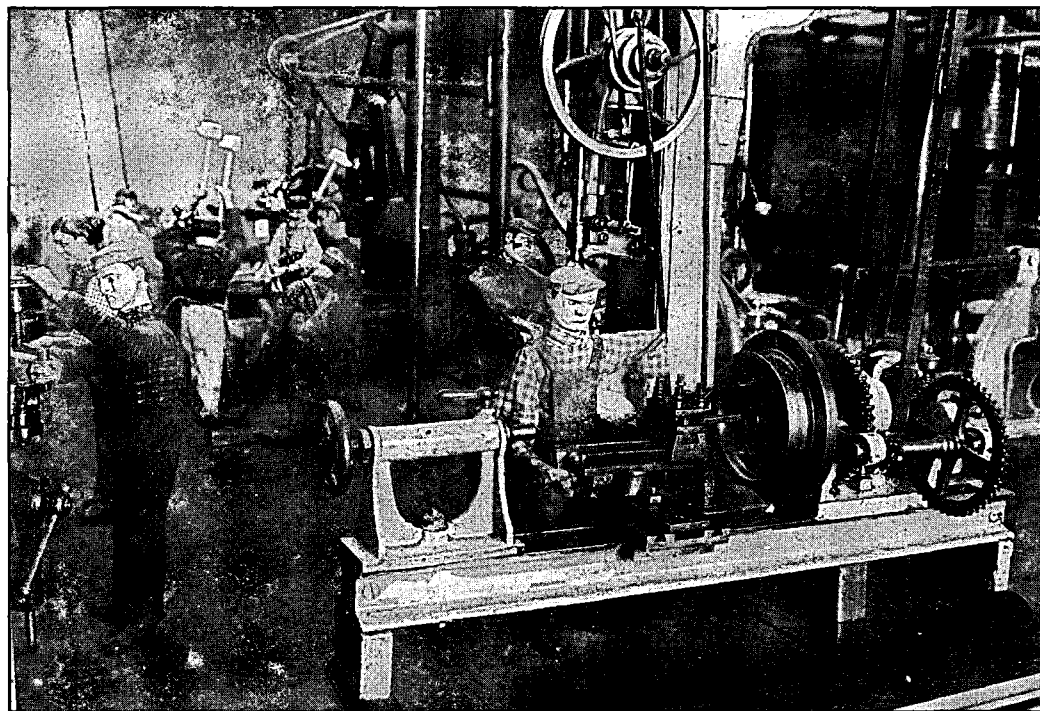
© D. Buisson. Ecomusée de la Communauté le Creusot-Montceau-les-Mines (France)

Умар Конаре, президент Международного совета музеев (ИКОМ), говоря о музейной политике, проводимой в Сахеле. Существует множество людей, думающих так же, в том числе и во Франции, где в некоторых сельских районах, забытых городскими властями или просто неизвестных им, удалось подтолкнуть население к коллективной деятельности, результатом чего было если не создание местного музея или экомузея, то по крайней мере проведение исследований, сбор экспонатов и организация выставок. Речь идет о том, чтобы дать каждому средства, позволяющие, говоря словами Станисласа Адотеви, «взять на себя ответственность за свою культуру, то есть за свое развитие», о том, чтобы помочь людям открыть в себе чувство принадлежности к своей общине, использовать ту силу, которую оно дает, и вновь обрести достоинство. В этом контексте музей, по мнению Альфы Умара Конаре, рассматривается как средство, способствующее «развитию у местного населения критического начала, стремления к самопоз-

нанию, самосознанию и обретению уверенности в своих силах». Следовательно, наблюдается тенденция к демократизации знаний, к тому, чтобы с помощью музеев содействовать культурному, социальному и экономическому развитию обществ, которым они служат.

Милагро Гомес де Блавиа утверждает, что «в наше время невозможно представить себе существование в Латинской Америке музея, который был бы посвящен только наследию и не уделял внимания современному развитию». Многие музеологи так же, как и он, считают, что вся документация об отношениях общины с ее окружением, ценой немалых усилий собранная и сохраняемая музеем, должна служить на пользу всем членам общины и давать пищу для размышлений о будущем.

Ныне покойный основатель Музея Анакостии Джон Кинард говорил: «Поскольку мы не уверены в своей судьбе, нам необходимо собираться вместе в мире и братстве, чтобы вместе строить будущее, определяя

Действующая модель мастерской в Ле Крёзо, изготовленная в конце девятнадцатого столетия Жозефом Бошо.

достижимые цели». Выраженная в его словах концепция музеологии показывает, какие обязательства готовы были взять на себя некоторые музейные работники. Специалисты, в той или иной степени разделявшие эти идеи, начали в противовес приверженцам официальной музеологии объединяться вокруг того, что назовут «новой музеологией». В 1985 году они создали в Лисабоне Движение за новую музеологию (MINOM). Конечно, далеко не все вошедшие в него специалисты являлись этнографами, тем более что междисциплинарный подход был одним из немногих основных принципов «новой музеологии», никогда не подвергавшихся пересмотру. Однако на практике этнография играла доминирующую роль, поскольку именно она давала возможность изучать, что отличает одну группу от другой и каким образом эти группы сосуществуют, сохраняя свои различия.

Не сворачивать с правильного пути

Этнологи (по крайней мере во Франции) прошли долгий путь с того времени, когда они рассматривали музей и ту совокупность функций, которую он позволяет выполнять — комплектование коллекции, ее изучение, консервацию и показ, — как нечто важное и необходимое для осуществления своей исследовательской и преподавательской деятельности. Теперь этнологи, работающие в основном в лабораториях или исследовательских центрах, как будто и не ожидают многого от музеев. По правде говоря, предмет их изучения, то есть именно то, что собирают музеи, внезапно приобрел статус этнологического наследия, и некоторые из этнологов, боясь, как бы эмоциональный подтекст, тающийся в понятии «наследие», не повредил научному качеству их исследований, предпочитают держаться подальше

от музеев. Возможно также, что музеи, развивающиеся не с такой скоростью, как этнология, неспособны удержать специалистов, в которых так нуждаются. Однако, поскольку существует связь музея и политики, по-прежнему необходимо, чтобы всякая музейная деятельность носила научный характер, что позволит ему не сворачивать с правильного пути.

Всячески развивая культурные программы, отвечающие потребностям общества, коллективы музеев должны обосновывать их с научной точки зрения и включать в долгосрочную музеологическую деятельность. Сочетание этих двух направлений — культурного и научного — составляет суть музейной работы. Но когда ставится вопрос о том, что должны приобретать этнографические музеи, то неизбежно возникает другая проблема: а что будет способствовать развитию тех, от чьего име-

ни и для кого делаются приобретения, то есть тех, на кого музей ориентируется при составлении своих среднесрочных и долгосрочных планов. Видимо, однако, связь музея с политическими проблемами не определяется одними только поисками равновесия между научными исследованиями и культурной деятельностью.

Существует третий аспект, оказывающий влияние на эти направления, столь же важный, но труднее поддающийся определению. Он происходит из этики, или подразумеваемого морального кодекса, который каждый хранитель пытается наряду со своими коллегами соблюдать в силу обязательств перед обществом. Из трех элементов, позволяющих оценить характер и степень политической ангажированности музея, именно последний наименее известен. Поскольку конкретные ситуации чрезвычайно разнообразны, при обращении к существующим документам, например Всеобщей декларации прав человека, обнаруживается их ограниченность. Декларация выступает с позиций «евроцентристской идеологии» и не упоминает о правах культурных групп и общин. Более того, в ней проглядывает тенденция способствовать слепому единообразию – именно тому, против чего выступают музеи этнографии, подчеркивающие значение различий. Благодаря присущему музею способу выражения и осуществляемой им деятельности, он способен играть роль источника информации, то есть заниматься тем, от чего средства массовой информации – из-за оказываемого на них экономического давления и в силу их склонности к преувеличению – порой отказываются. Именно поэтому так важно и необходимо, чтобы музей брал на себя этические обязательства. Десятки смертей, связанных с убийством Раджива Ганди, вызвали широкий поток информа-

ции об Индии, прекратившейся, правда, как только потух ритуальный костер. Но была ли дана подробная информация о событиях, происшедших в священном месте Индии Айодхья, которые вызвали сотни смертей?

Взятие на себя этических обязательств, всегда непосредственно связанных с культурной и научной функциями музея, делает невозможным уклонение от вопросов о том, все ли традиции следует сохранять, о глобальных масштабах этнических конфликтов, о моделях развития человеческих сообществ с учетом ресурсов нашей планеты. Речь идет не о том, чтобы «играть политическую роль», а о попытке помочь обычному гражданину в его продвижении от культуры как знания к культуре как источнику энергии, или – если воспользоваться выражением Жан-Мишеля Лертеррье – к культуре как «топливу».

Таким образом, руководители музеев этнографии должны каждый в своей области найти компромисс между необходимостью отвечать культурным требованиям и заботой о соблюдении научной точности в соответствии с взятыми ими на себя моральными обязательствами, с одной стороны, и с предназначением возглавляемого ими музея – с другой. В то же самое время все это должно соответствовать требованиям, обязательствам, возможностям и целям властей, финансирующих музей. Однако каждое общество имеет те музеи, которых оно заслуживает, и роль их директоров остается строго ограниченной, что, впрочем, и неплохо. ■

Окружные и местные музеи Австрии: ВОЗМОЖЕН ДИАЛОГ

Хартмут Праш
(Hartmut Prasch)

Местные и окружные музеи пользуются в Австрии большой популярностью. Что можно сказать об основных направлениях их деятельности на современном этапе, с какими трудностями им приходится сталкиваться и каковы перспективы их развития? Автор данной статьи является именно тем человеком, который может ответить на поставленные вопросы, потому что он не только окончил Университет в Инсбруке, где занимался изучением этнографии, философии и германистики, не только опубликовал ряд трудов по этнографии и музеологии, но и возглавляет с 1987 года Spittal/Drau Bezirksheimatmuseum (Окружной музей города Шпиттала на реке Драве).

Окружные и местные музеи составляют далеко не самую многочисленную категорию среди музеев Австрии. Однако начиная с середины прошлого столетия число этих учреждений в стране постоянно росло, и сейчас их насчитывается более двухсот. А если учесть наблюдаемый в настоящее время в Австрии огромный интерес к музеям, одной из причин которого является особое внимание к культурному туризму, то становится ясно, что вряд ли в обозримом будущем их численный рост прекратится.

Музеи, относящиеся к категории окружных и местных, имеют три характерные особенности.

Во-первых, за исключением девяти *Landesmuseen*, то есть музеев, созданных в соответствии с государственным законом в каждой земле (провинции) Австрии, подобными музеями обычно руководят ассоциации

или иные частные некоммерческие организации, действующие в общественных интересах.

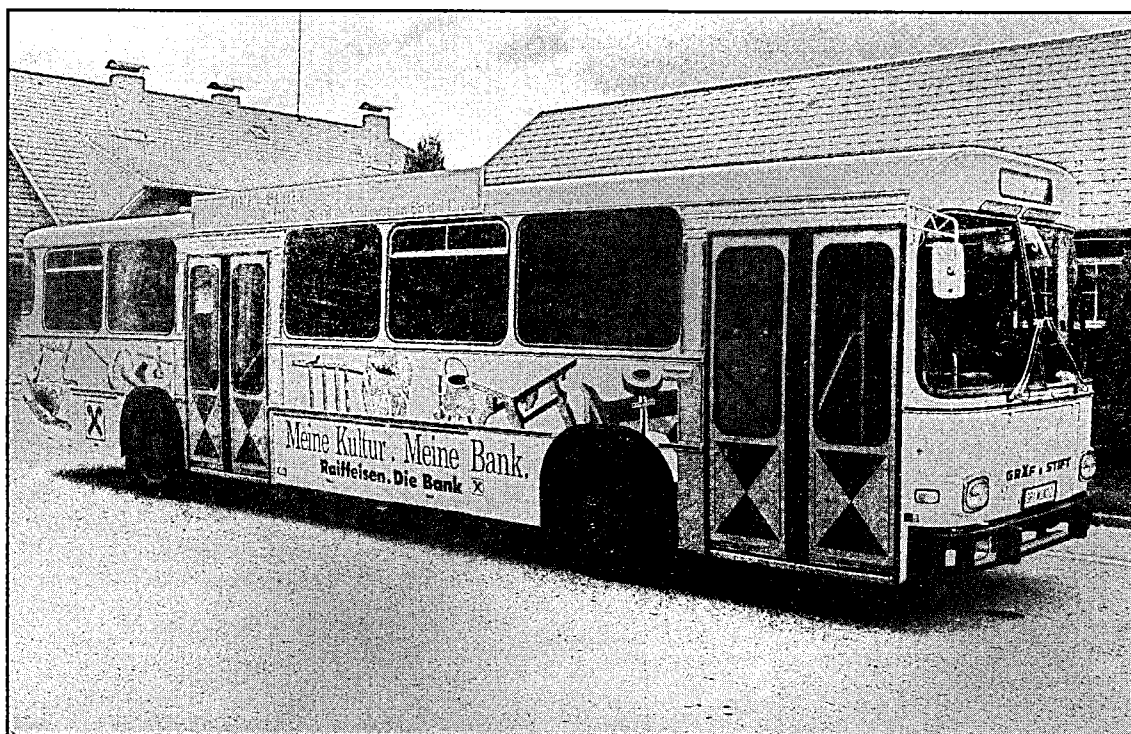
Во-вторых, их коллекции состоят главным образом из этнографических предметов, отражающих историю данной местности.

И наконец, эти музеи обслуживают сравнительно небольшой по площади район.

Положение окружных и местных музеев в Австрии

В связи с резким ростом числа музеев, происходящим в течение последних десятилетий, встал целый ряд проблем, касающихся содержания коллекций, их организации, а также инфраструктуры.

Сегодня, пожалуй, любая местная администрация хочет иметь «собственный» музей, что совсем не обяза-

Музейный
автобус
Каритии.

тельно свидетельствует об особом характере данного района или желаний населения изучать свою историю и утверждать самобытность. Не менее важную роль играют соображения, диктуемые экономикой туризма, что подтверждает статистика: 85 процентов посетителей составляют туристы и лишь 15 процентов – местные жители.

Из-за однообразия коллекций австрийские окружные и местные музеи кажутся скучными и невыразительными. Публика начинает терять к ним интерес, что неблагоприятным образом сказывается как на их репутации, так и на финансовом положении. Бюджетные трудности объясняются и организационной структурой музеев данной категории. Дело в том, что инфраструктура окружных и местных музеев имеет много особенностей, отличающих ее от инфраструктуры музеев, находящихся в ведении государственных органов.

Чаще всего спонсорами местных и окружных музеев являются частные учреждения – ассоциации. Обязанности хранителей и других сотрудников музеев выполняют непрофессионалы, люди, занятые в самых различных областях, но проявляющие интерес к местной истории и культурным ценностям и посвящающие свое свободное время добровольной работе в музее. Основное внимание в этих музеях уделяют комплектованию коллекций и хранению предметов, представляющих исторический и культурный интерес, а таким направлениям деятельности, как изучение коллекций, их экспонирование и популяризация, придается гораздо меньшее значение.

Так как окружные и местные музеи не располагают финансовыми средствами для пополнения своих коллекций, они почти целиком зависят от дарителей. Именно поэтому в их собраниях имеется всего понемногу:

от изображений святых до плужного лемеха и народных костюмов. Структура коллекций этих музеев взаимозаменяема, так что предметы могут быть легко перемещены из одного учреждения в другое.

Самое же главное то, что хранители окружных и местных музеев не могут получить помощи квалифицированных специалистов, а руководители лишены финансовой поддержки. До сих пор ни общественные агентства, являющиеся источником финансирования, ни специалисты, работающие в крупных музеях, не признали возможностей этих учреждений и ничего не сделали для их развития. Таким образом, не существует настоящего сотрудничества между «большими» и «малыми» музеями, и последние несут на себе печать дилетантизма.

Как использовать возможности, имеющиеся у окружных и местных музеев, и сделать их привлекательными? Такую попытку осуществили в земле Каринтия, проявив инициативу и организовав сотрудничество между различными музеями, о чем рассказывается ниже.

Многообразная сеть музеев Каринтии

Начиная с 1987 года в федеральной провинции Каринтия предпринимаются усилия для создания многообразной музейной сети путем организации тесного сотрудничества между окружными и местными музеями. При этом обращается особое внимание на координацию деятельности музеев, представляющих наибольший интерес.

Окружной музей города Шпиттала – один из самых крупных в Австрии окружных музеев этнографии и культурной истории. Он уделяет основное внимание изучению и показу жизни и труда крестьян в альпий-

ских районах. Благодаря тому, что Окружной музей обладает богатыми коллекциями, в 1987 году в земле Каринтия удалось организовать сообщество этнографических музеев. В настоящее время в него входят десять местных коллекций – как внешних отделений Окружного музея Шпиттала, так и независимых музеев. Все музеи – участники сообщества находятся в ведении ассоциаций, созданных в соответствии с частным правом.

Что дает это партнерство? Сотрудники Окружного музея Шпиттала помогают существующим или только создающимся местным музеям решать проблемы, связанные с концепцией, инфраструктурой, а также с организацией экспозиции и просветительной деятельностью. Партнерство позволяет координировать тематику отдельных собраний. Таким образом, вокруг Окружного музея создаются музеи с двумя типами коллекций: одни посвящены местной истории, а вторые – специализированные – включают материалы по определенной тематике, характерной для данного места (например, рыбная ловля, горное дело, местные обычаи, туризм).

Благодаря тесному сотрудничеству в рамках сообщества, удается создать максимально многообразную музейную сеть, где отдельные темы культурной истории связаны между собой, подобно частям головоломки, каждая из которых служит созданию единого целого.

Другой целью партнерства является организация своего рода центра документации, где будут храниться материалы о коллекциях, принадлежащих музеям-участникам. В будущем это позволит проводить научные исследования.

В 1989 году музейные хранители, работающие на общественных нача-

лах, могли посещать специальные курсы повышения квалификации. Кроме того, совместно с федеральными учреждениями системы образования взрослых Окружной музей Шпиттала организовал двухгодичный цикл занятий под названием «Активный музей», что позволило работникам окружных и местных музеев приобрести глубокие знания в области теории и практики музейной работы. На лекциях, прочитанных квалифицированными специалистами, и занятиях в группах слушатели познакомились с такими темами, как «Экспозиционная техника и экспозиционный дизайн», «Инвентаризация и каталогизация», «Связи с публикой и спонсорство», «Просветительная функция музеев», «Реставрация и консервация». В целом они получили возможность узнать многое об основных направлениях музейной деятельности.

Сообщество обращает особое внимание на развитие просветительной работы с различными группами населения – с детьми, молодежью и со взрослыми, – стремясь повысить общественный статус музея, с тем чтобы предоставить населению возможность использовать его в процессе развития местной самобытности.

Музейная концепция в масштабе всей страны

В дополнение к деятельности, осуществлявшейся ранее, Окружной музей Шпиттала начал в 1991 году организовывать передвижные выставки, размещаемые в специально оборудованном автобусе Каринтии. Эти выставки позволяют жителям провинции, не покидая своих родных мест, знакомиться с Музеем, так как он сам (вернее, отдельные части его коллекции) «приезжает» к ним. С апреля по июнь и с сентября по октябрь Музейный автобус Каринтии каждое утро останавли-

ваются перед одной из школ провинции. Таким образом, школы сельских районов, учащиеся которых располагают небольшими возможностями для посещения музеев, могут включать в учебный курс знакомство с тематическими экспозициями, не испытывая никаких организационных трудностей. Во второй половине дня Музейный автобус открыт для местного населения, в летние же месяцы он принимает главным образом туристов.

В рамках сообщества в 1991 году была учреждена должность «окружного советника» с полным рабочим днем. На него возложена задача совместно с учреждениями системы образования взрослых координировать тематику выставок и основных мероприятий, осуществляемых музеями. Ему также поручено обеспечивать помощь специалистами для выполнения определенных работ (имеются в виду, например, реставраторы, экспозиционеры, научные

сотрудники), а в будущем ему предстоит заниматься и организацией передвижных выставок.

Таким образом, благодаря более тесному сотрудничеству между окружными и местными музеями на базе добровольного членства в сообществе этнографических музеев, удалось сделать первый шаг на пути к созданию многообразной сети музеев Каринтии.

Организационная структура отдельных музейных единиц никоим образом не изменилась, все музеи-члены сообщества продолжают работать независимо и пользоваться услугами добровольных сотрудников. Программы финансируются за счет их собственных средств (они складываются из взносов членов ассоциаций, в ведении которых музеи находятся, даров и платы за вход), а также средств, выделяемых им предприятиями-спонсорами. Что касается государственных субсидий, предоставляемых этим музеям, то пока что они весьма скромны. Однако, судя по всему, намечается новая тенденция: в настоящее время власти Австрии охотнее поддерживают развитие окружных музеев, чем крупных национальных учреждений.

Деятельность, уже начатая в провинции Каринтия, может осуществляться и в более широком масштабе. Пересмотрев, расширив или несколько изменив цели, поставленные при проведении эксперимента в Каринтии, можно разработать для всей Австрии долгосрочную музейную программу, которая позволила бы местным и окружным музеям по праву занять место, принадлежащее им как хранителям ценных свидетельств культурной истории. ■

© Hartmut Prasch

Интерьер фермерского дома XVIII века. Окружной музей города Шпиттала на реке Драве.

От Музея колоний — к музею общин

Лилиан Клебер-Шварц
(Liliane Kleiber-Schwartz)

Глубокие изменения, которые претерпело французское общество за период, прошедший от колониальной эпохи до наших дней, нашли выражение в учреждении, именованном некогда Музеем колоний. История здания, расположенного в Париже около Порт доре, богата событиями. Музей колоний был для Франции тем же, чем Музей Конго в Тервюрене для Бельгии и Музей тропиков для Нидерландов: все они рассказывали о большой работе, осуществлявшейся европейскими державами в отдаленных странах, где те господствовали.

Однако сегодня музеи, некогда служившие средством распространения идеологических концепций соответствующих эпох, выполняют новые функции. Будучи вовлечены в формирование взаимоотношений между Севером и Югом, они стремятся содействовать их диалогу и по-иному интерпретировать культуры, памятники которых призваны экспонировать.

Музей колоний, ставший Национальным музеем искусства Африки и Океании, в течение нескольких лет ищет новые подходы, утверждает себя в новом качестве, обновляя свои экспозиции и привлекая более широкие слои публики. Беседуя с тремя своими коллегами, Лилиан Клебер-Шварц, хранитель этого Музея и руководитель сектора культурной работы, пытается пролить свет на происходящие в нем процессы.

Первым дает интервью Анри Маршал, генеральный хранитель Национального музея искусства Африки и Океании. Он знакомит читателей журнала "Museum" с историей учреждения.

Лилиан Клебер-Шварц: Расскажите, пожалуйста, о том, как создавался Музей.

Анри Маршал: Здание Музея колоний было построено на юго-востоке Парижа в 1931 году по случаю проведения Международной колониальной выставки. Создать музей такого типа планировали уже давно, поэтому здание проектировалось с тем расчетом, чтобы оно не только служило пристанищем для временной выставки, но и смогло в будущем принять музей.

Л. К.: Что включал Музей колоний в географическом плане?

А. М.: Музей задумывался как учреждение, дающее общее представление обо всех территориях, находящихся под французским влиянием, — от Индокитая до Западной и Экваториальной Африки, включая торговые посты в Индии и на Антильских островах. Музей должен был стать витриной деятельности Франции на этих территориях, причем не только в области искусства, но также в социальной и экономической сферах.

Л. К.: На какую публику он был рассчитан главным образом?

А. М.: Как свидетельствуют проводившиеся в ту эпоху многочисленные школьные экскурсии а также вырезки из газет и журналов и интервью, данные во время Международной колониальной выставки, предполагалось, что в основном Музей будет посещаться молодежью. Его главная задача состояла в том, чтобы служить инструментом просвещения и даже пропаган-

ды, побуждая молодых людей избрать такую профессию или заняться такого рода деятельностью, которые привели бы их в колониальные владения Франции, где они могли бы содействовать распространению идеологических воззрений метрополии.

Л. К.: Каким образом были скомплексированы коллекции?

А. М.: Многие из выставленных в Музее предметов принадлежали частным владельцам, предоставившим их для временного экспонирования; другие происходили из колониальных ведомств соответствующих территорий. Лишь небольшая часть экспонатов была приобретена специально для Музея и таким образом стала собственностью государства.

В 1935 году учреждение изменило название и стало Музеем французских заморских территорий. Последовала реорганизация, цель которой состояла в том, чтобы выставить в нескольких залах материалы, рассказывающие о распространении влияния Франции за рубежом. Экспозиция охватывала долгий период, поскольку начиналась с предметов, относящихся к эпохе крестовых походов и заканчивалась началом XX века, включая миссии Галльени и Лиотея.

Л. К.: Какой была реакция публики на Музей?

А. М.: Создание Музея имело большой резонанс благодаря популярности самой Колониальной выставки, которую посетило около 3,5 миллиона человек — цифра огромная для того времени, если учесть, что выставка экспонировалась всего шесть месяцев. Что касается самого Музея; то пропаганда достигла своей цели и ряд молодых французов выразил желание служить в заморских территориях.

Деколонизация Музея

Л. К.: Каким образом совершился переход от Музея колоний к Музею искусства Африки и Океании, иными словами, как происходила деколонизация Музея?

А. М.: После второй мировой войны возникло движение за деколонизацию, которое нанесло очень сильный удар по европейскому влиянию и европейскому чувству превосходства. Именно тогда страны Третьего мира начали осознавать свой политический вес и свою роль в мире.

Шестидесятые годы явились для франкоязычной Африки временем обретения независимости, и уже не было смысла в дальнейшем существовании Музея французских заморских территорий. Случилось так, что Андре Мальро, тогдашний министр культуры, искал в Париже место, где можно было бы показать шедевры африканского и океанийского искусства. Полагая, что бессмысленно строить новое здание, он вспомнил о Музее французских заморских территорий. В основе новой экспозиции лежали две основные концепции. Во-первых, в географическом плане было решено ограничить показ только франкоязычными странами, и даже более узко — только странами Африки и Океании. Во-вторых, Андре Мальро хотел подчеркнуть прежде всего эстетические достоинства предметов, придерживаясь той точки зрения, что этнографические аспекты — прерогатива Музея человека. А такое решение означало, что из экспозиции должны быть исключены материалы экономического и социального характера.

Этот культурный хамелеон, окрещенный Национальным музеем искусства Африки и Океании, получил огромные кредиты, чтобы активно заниматься приобретением новых

материалов. В результате через десять лет его собрание удвоилось (по сравнению с коллекцией, приобретенной в период между 1931 и 1960 годами).

Л. К.: В настоящее время во Франции имеются различные культурные общины, большинство которых происходит из ее бывших колоний. Как Музей определяет свою роль по отношению к этим потенциальным посетителям?

А. М.: С тех пор как число таких общин во Франции стало увеличиваться, а их роль — возрастать, цели Музея изменились. Его задача заключается теперь в том, чтобы поддерживать или устанавливать связи между этими группами и предметами, относящимися к их художественному наследию, их культуре. Эта связь бывает иногда очень слабой из-за трудных условий жизни иммигрантов во Франции.

Л. К.: Как эта концепция осуществляется на практике?

А. М.: Способы ее осуществления весьма различны. Ряд мероприятий был организован при материально-технической помощи Ассоциации в поддержку развития межкультурных обменов в Музее искусства Африки и Океании — добровольной организации, созданной в 1985 году.

Ассоциация помогла определить, какие мероприятия будут особенно интересны общинам иммигрантов и людям, принадлежащим к народам, культура которых представлена в экспозиции. Среди наиболее значительных видов деятельности следует назвать работу творческой мастерской для молодежи. Дети разного происхождения принимают участие в программе, направленной на пробуждение их творческих инстинктов. Другая цель программы — открыть детям музейные сокрови-

ща, объяснить им смысл некоторых экспонатов. Эти произведения, составляющие элементы наследия юных иммигрантов, являются для них отправной точкой; отдельные предметы они сами могут определить.

Кроме такой регулярно осуществляемой деятельности проводятся и специальные мероприятия. Например, нам показалось важным уделить особое внимание кино — и как виду искусства, и как музеографическому средству, позволяющему показать первоначальную среду предметов, и как великолепному инструменту просвещения публики. Так родился Фестиваль африканского кино, причем мы стараемся соединять показ фильмов с семинарами и обсуждениями, на которых африканцы имеют возможность высказать свою точку зрения. Важное место занимает в наших программах музыка, мы организуем концерты и музыкальные мастерские.

Л. К.: Каким образом Музей устанавливает и поддерживает контакты с публикой?

А. М.: Главным образом с помощью различных добровольных организаций, например Ассоциации берберской культуры, снявшей вместе с Музеем фильм о памяти иммигрантов; Ассоциации солидарности африканцев во Франции, оказывающей нам содействие в организации Фестиваля африканского кино; рабочей группы «Люди и миграция» и многих других.

Дети занимаются изучением искусства

Чтобы приблизить детей к музейным коллекциям, для их творческих занятий выделены помещения, находящиеся рядом с экспозиционной зоной. Детям, приходящим в Музей

в рамках школьного курса или программы какой-либо ассоциации, предлагается изучать различные аспекты культур Магриба либо областей, расположенных к югу от Сахары: архитектуру, пластические искусства, музыку, устное творчество.

На вопросы отвечает Мартин Пуаре, специалист в области искусства, руководитель мастерской *Signes*, посвященной искусству Магриба.

Л. К.: В чем состоят творческие занятия детей?

Мартин Пуаре: Мы предлагаем юным посетителям изучить какую-то определенную тему, что они и делают в течение нескольких занятий. Во время каждого посещения Музея дети расходуют часть времени на знакомство с коллекциями (с помощью аудиовизуальной техники, посещения экспозиции, а также более детального изучения предметов, которые им разрешается брать в руки), а часть – на творческую работу. Я предлагаю им экспериментировать на основе декоративных традиций стран Магриба. Каждый из детей вносит в работу что-то свое, индивидуальное, а также что-то от современного мира. В результате возникает некое смешение элементов, что дает свободу их воображению.

Л. К.: А как подобный подход связан с тем, что дети делают в школе?

М. П.: Французская система образования уделяет мало внимания пластическим искусствам; они являются главным образом предметом внешкольной деятельности, и, следовательно, многие дети лишены возможности приобщаться к ним. Музейная мастерская развивает одновременно восприимчивость к искусству (а значит, понимание и осознание как различных форм творчества, так и искусства Магриба), а также

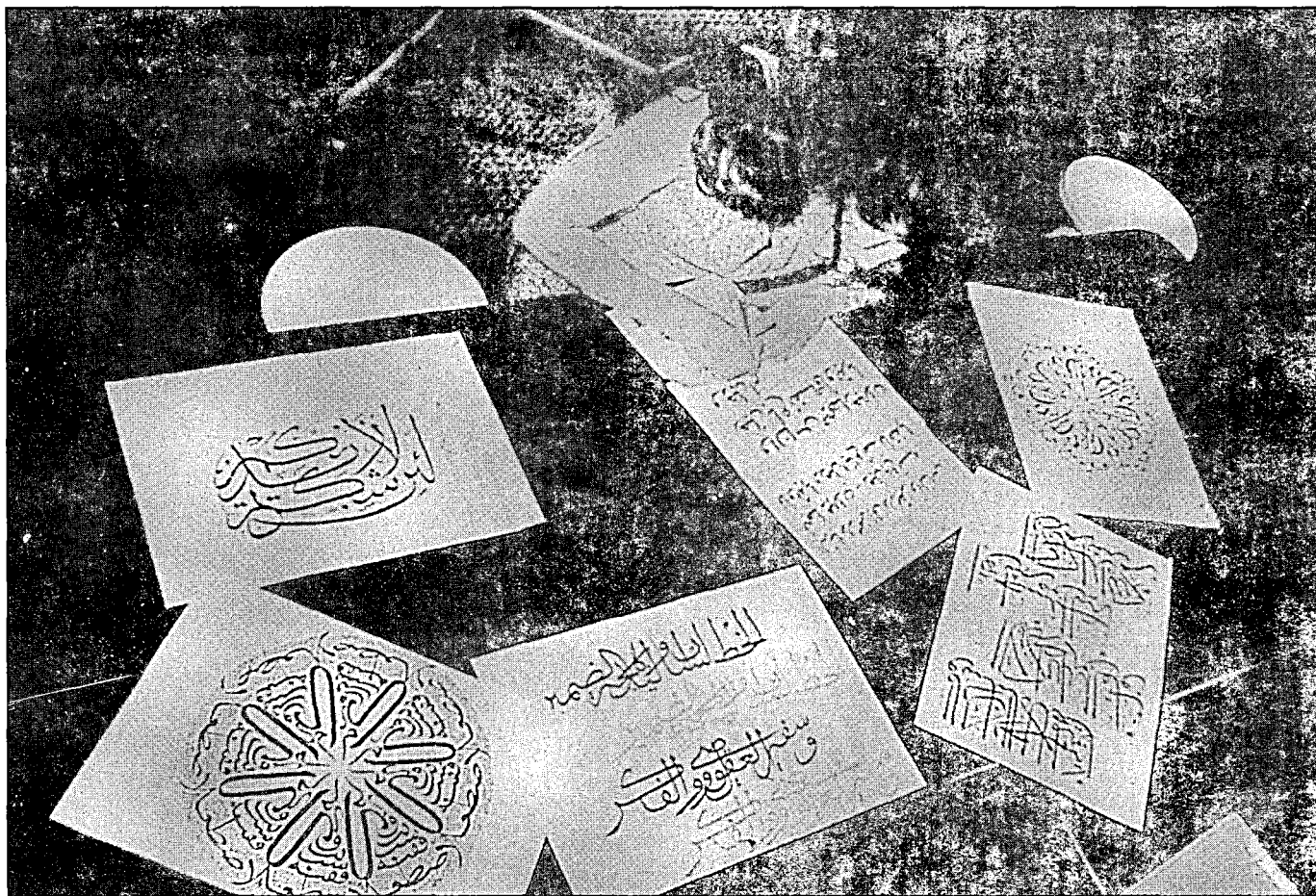
к богатым и разнообразным художественным традициям. Для детей, никак не связанных с художественной областью, занятия в мастерской становятся введением в искусство, приобщением к нему; они позволяют детям впервые вступить в контакт с культурой, о которой большинство из них ничего не знает. Но очень трудно определить, с помощью каких механизмов устанавливается такой контакт, потому что мы ничего не знаем о внутреннем отношении детей к чужим цивилизациям, о том, что они видят в них.

Л. К.: Какие изменения происходят, на Ваш взгляд, в детях по завершении цикла таких занятий?

М. П.: Изменения происходят всегда, причем изменяется и группа в целом, и каждый ее член. Дети, ведущие происхождение из стран, о которых идет речь на занятиях, начинают ощущать свою значительность. Что касается других, то они мало-помалу знакомятся с различными, дотоле неизвестными им культурами. Шаг за шагом они продолжают и творческую работу (например, пробуя свои силы в живописи) и к концу цикла занятий осваивают новую для них область.

Л. К.: А что еще дают эти занятия, кроме того что дети приобщаются к культуре?

М. П.: Во-первых, это семейные посещения Музея: иногда детям удается привести с собой родителей, чтобы познакомить их с коллекциями. Во-вторых, порой дети приносят на занятия предметы, взятые из собственного дома: одежду, гончарные изделия, книги (чаще всего Коран). Они бывают счастливы показать их своим одноклассникам и испытывают необыкновенную гордость за культуру страны своего происхождения, даже если через несколько дней от энтузиазма не остается

Фотография предоставлена автором

*Приобщение к каллиграфии
в мастерской Signes
Национального музея искусства
Африки и Океании.*

и следа. Но все же в них происходят изменения – меняется их позиция, отношение к культуре. Мы часто показываем им фильмы о Магрибе: ведь для тех детей, которые никогда не были там, увидеть на экране пейзажи, дома, познакомиться с образом жизни людей – значит открыть для себя страну, откуда приехали их родители. Во Франции детям иммигрантов очень часто приходится делать огромные усилия, чтобы вписаться в среду, быть такими, как их одноклассники и ровесники. При этом нередко из их памяти и жизни вычеркивается культура страны их происхождения. Детям, особенно в возрасте от восьми до двенадцати лет, трудно понять, что всякая культура – богатство, что от нее нельзя отречься. Может быть, позднее, когда они повзрослеют, им захочется проявить свою индивидуальность, сейчас же их цель – быть принятыми коллективом, чего невозможно добиться путем утверждения своей магрибской или африканской самобытности. Занятия в мастерской как раз и учат детей просто и прямо говорить о своей культуре, что подтверждают их школьные преподаватели.

Л. К.: Следовательно, мастерская, расположенная рядом с экспозиционными залами, как бы является тем местом, где дети могут выражать себя, говорить о своих различиях и обнаруживать собственные взаимосвязи с тем, что они открывают?

М. П.: Во всяком случае, именно этого мы хотели бы.

Музыка Магриба

Мехена Махфуфи, музыкант и этнолог, руководит в Музее мастерской музыки. Он рассказывает об опыте своей работы.

Л. К.: Как вы чувствуете себя в Музее, где принимают исполнителей из Магриба и Африки?

М. М.: Я – алжирский музыкант, иммигрант. Я уже очень давно живу во Франции, но не порываю со своими корнями и сохраняю контакты с культурой моей родной страны, потому что очень часто бываю там.

Л. К.: Есть ли среди музыкальных

произведений Магриба особенно любимые Вами, те, с которыми Вы чаще знакомите детей?

М. М.: Музыка Магриба очень разнообразна. Я пытаюсь объяснить и показать детям, что существуют сложные музыкальные произведения, но есть и произведения более простые, хотя иногда малоизвестные. Это дает возможность рассказать и о социальной организации общества, то есть я использую музыку как средство познания общества. Я обращаю внимание детей и на текст, и на музыкальные инструменты, используемые для аккомпанемента, например те, которые были приобретены Музеем для мастерской: ударные, флейты, лютни и т. д., а также и мои собственные, такие как *най* и *зурна*. Чтобы информация была более полной, я использую диски, кассеты, видеофильмы.

Л. К.: На занятия в эту мастерскую приходят группы детей разных национальностей. Как в ходе занятий осуществляется коммуникация между детьми, принадлежащими к разным культурам?

М. М.: Интересно, что именно при наличии такого разнообразия культур создается возможность для их сравнения и сопоставления. Например, магрибские дети могут быть как арабоязычными, так и бербероязычными, но они открывают для себя, что их культуры сходны. Объясняя детям, что такое флейта, я говорю, как она называется по-берберски и по-арабски, но осознаю, что в группе есть и другие дети – африканцы, вьетнамцы и т. д., – называющие музыкальный инструмент на языке своих родителей, на языке их происхождения.

Я обнаружил также, что для магрибских детей очень важно произвести впечатление на своих одно-

классников знанием музыкального инструмента – это укрепляет их чувство самобытности. Я не знаю, есть ли у них в школе возможность показать, что они обладают знаниями, отличающимися от знаний других детей, но в мастерской она есть. Таким образом, дети могут сравнивать свои знания, что позволяет говорить о коммуникации между ними.

Л. К.: А коммуникация с их собственными родителями?

М. М.: Говорят, что в некоторых областях невозможна коммуникация между иммигрантами и их детьми, и я верю этому. Многие дети плохо знают своих родителей и их культуру. Занятия в мастерской музыки помогают детям познакомиться с элементами культуры, которую раньше у них не было возможности открыть или же увидеть в собственном доме. Но кто поднимет вопрос о культуре иммигрантов? Они должны иметь возможность не только самовыражаться и передавать свою культуру детям, но и жить собственной культурой, а сегодня они словно находятся в изоляции.

Л. К.: Вы думаете, что им мог бы, например, помочь музей иммиграции?

М. М.: На мой взгляд, люди уже создали такой музей в своих мечтах, в своей памяти. Музыка, которую я называю народной, связанная с превращенными в ритуал социальными традициями, перестает существовать, когда она изымается из своего ритуального контекста. Если Вы попросите женщину спеть для Вас песню новобрачной, она ответит: «Зачем же петь ее, ведь здесь нет невесты?» Это свойственно всем устным традициям и в том числе традиции Магриба: когда ритуал умирает, музыка, дающая ему жизнь, умирает вместе с ним. ■

Экспонирование предметов традиционных ремесел: эксперимент в Мексике

Мари-Одиль Марион
(Marie-Odile Marion)

Автор данной статьи — французская, доктор этнологии в Университете Париж V (Сорбонна). С 1971 года она живет в Мексике, где ведет исследовательскую работу в Национальном институте антропологии и истории и преподает в Национальной школе антропологии. В последние годы она заинтересовалась проблемами экспонирования предметов традиционных ремесел.

Проведение мероприятий, о которых пойдет речь в статье, предусмотрено проектом, разработанным в начале 1985 года с целью объединения различных этапов антропологических исследований в единый процесс. Облеченные в форму учебных занятий (семинар в Национальной школе антропологии в Мехико), они включали осуществление программы исследований по материальной культуре и традиционным ремеслам народа майя в штатах Юкатан и Чьяпас и организацию ряда выставок, сопровождавшихся чтением лекций для широкой публики. Смысл такого построения работы заключался в том, чтобы показать ее зримые результаты, а также расширить сферу деятельности научных работников и преподавателей и повысить их квалификацию, поскольку они должны были создать экспозицию, посвященную итогам исследований и познакомить с ними неподготовленную аудиторию.

Данный проект, к реализации которого приступили в начале 1985 года, осуществлялся в течение шести лет и был завершен в августе 1990 года.

Первый этап был, пожалуй, самым трудным, хотя, без сомнения, наименее интересным. Студенты не имели ни малейшего представления об изучении традиционных ремесел и никогда не вели полевых исследований; все, что они знали о народе майя, ограничивалось историческими сведениями, полученными археологами, и у них не было опыта составления плана исследований. В течение первых шести месяцев наши усилия были целиком сосредоточены на подготовке студентов к полевым исследованиям, определении целей работы, распределении обязанностей внутри группы и собственном составлении плана.

Мы решили работать в общинах

майя, живущих в штатах Юкатан, Кампече и Кинтана-Роо, расположенных на полуострове Юкатан, и распределили между собой обязанности следующим образом: одни изучают только технику изготовления глиняной посуды, другие — способы производства натуральных волокон из хлопка, агавы, камыша, пальмы, лиан и т. д., третьи — методы работы с деревом, камнем, кожей и воском, а также различные традиционные ремесла, которые составляют часть повседневной жизни и материальной культуры индейцев майя, населяющих полуостров.

Следующие шесть месяцев были посвящены систематизации материала, предназначенного для последующего изучения, и отбору предметов с учетом их качества и значения для экспозиции, план которой мы готовили. Разработанный нами прогрессивный метод изучения требовал постоянного участия различных групп исследователей, с тем чтобы можно было обеспечить согласованность их действий при обработке полученных данных. Одновременно велась расшифровка записей, сделанных со слов индейцев, магнитофонных записей, а также печатались фотографии в лаборатории Школы антропологии. По истечении года мы имели около ста обработанных предметов, примерно тысячу фотографий, более двадцати часов магнитофонной записи рассказов и всевозможных документальных свидетельств.

Настоящее испытание

Создание экспозиции оказалось для нас настоящим испытанием. Мы не имели опыта такой работы, и поначалу нас пугали голые стены, перегородки и пустые витрины выставочного помещения. Нам никак не удавалось воплотить свои замыслы, и возникало опасение, что у нас

просто ничего не получится. Однако воображение и методология объединились, и после 48 часов жарких споров, отчаянных попыток и все новых усилий наш проект начал приобретать реальные очертания: коридор Школы антропологии превратился в музейный зал. Мы поделили все экспозиционное пространство на отдельные участки, посвященные различным ремеслам: традиционной глиняной посуде, ритуальной керамике, дереву, ткачеству, вышиванию, мексиканской пеньке и т. д.

В каждом разделе помимо основных экспонатов были также представлены инструменты. Рядом размещались пояснительные тексты, рассказывающие об использовании и назначении экспонатов – в быту, в религиозных или медицинских целях, в сельском хозяйстве. Но одна из поставленных нами первоначально задач не была выполнена – нам не удалось получить помощи от наших информаторов из числа местных жителей. Однако в целом результаты можно считать положительными: во-первых, работа вызвала необычайный подъем как среди студентов, так и среди преподавателей, участвовавших в подготовке и проведении выставки; во-вторых, на этапе изучения предметов с учетом пояснений, данных нам ремесленниками, мы пришли к очень важным выводам относительно значения символики декора некоторых предметов и интерпретации закодированных мастерами символических жестов, являющихся ключевыми и крайне важными для понимания всей системы, к которой они принадлежат.

В последующие два года мы перенесли свою деятельность в лесистую зону штата Чьяпас, сосредоточившись на изучении еще трех этнических групп: лакандонов, тсельталей и тохолабелей. В течение этого пе-

риода некоторые студенты, принимавшие участие в экспедиции и занимавшиеся изучением техники ремесел и устной традиции, прослушали в Национальной школе антропологии полный курс и защитили дипломные работы. Их место в нашей исследовательской группе заняли новые студенты. Цели и методы работы остались прежними, однако они подверглись существенным изменениям с учетом накопленного опыта. Наибольший успех сопутствовал группе, изучавшей лакандонов, так как они работали непосредственно в общинах, в полном смысле слова сроднившихся с окружающей средой тропических лесов, научившихся понимать их экологию и создавших поэтому поразительное разнообразие ремесел. Наше исследование обогащалось все новыми примерами их мастерского владения техникой работы с древесной лианой, корой, перьями и галькой; техникой изготовления капканов и каноз; методами крашения и дубления; способами приготовления растительной соли и многими другими процессами, которые можно еще долго перечислять.

В ряде случаев нам приходилось помогать мастерам в их работе над заказанными нами изделиями, поскольку многими из этих предметов не пользовались долгие годы и их создание требовало особых усилий. По истечении трех периодов полевых работ мы собрали оригинальную коллекцию, располагающую несколькими уникальными предметами, которых нет в собрании Национального музея антропологии Мехико.

Новый подход

В августе 1988 года Музей Кармен организовал вторую фотовыставку, сопровождавшуюся, как и в первый раз, демонстрацией фильмов и слай-

дов, посвященных материальной культуре индейцев лакандонов, и чтением лекций об их символике. Кинбор, один из основных наших информаторов, помогал нам размещать экспонаты. Его участие в работе оказалось крайне важным, так как сами, без его рекомендаций, мы никогда не додумались бы до такой концепции экспозиции. Наш консультант предложил вместо того, чтобы создавать разделы, посвященные отдельным материалам и техникам, расположить предметы в зависимости от их связи с различными областями жизни и деятельности человека.

Руководствуясь этим принципом, он оформил экспозицию на тему *Мужчина и лес*, где разместил луки, стрелы, капканы и сети, колчаны из коры, а также сумки из оленьих шкур и кожи ящериц. В разделе *Женщина и лес* он рассказал о собирательстве и рыбной ловле с помощью специальных ловушек; он подвесил там разноцветные ожерелья и перья с грудки тукана – ими женщины убрали свои волосы после того, как на одной из лесных троп они уступали настойчивым домогательствам своих поклонников и становились их возлюбленными.

Он воссоздал также типичную обстановку жилища, где разместил ременной ткацкий станок, люльку из красного дерева, гамак и традиционные ткани, сделанные из волокон коры, бутылки из тыквы и корзины, раковины и иглы из костей обезьяны, деревянные тарелки, мотки хлопка, тканые туники, украшения из ароматических пород деревьев и засушенные цветы – все это давало наглядное представление о повседневной жизни женщин и детей.

В соседнем разделе он воспроизвел мастерскую мужчины, где собрал основные материалы, с которыми

тот работает, – дерево, камыш и лианы, корни, волокна и кору; здесь же можно было увидеть растительные красители, клеи и смолы, лекарственные соли растительного происхождения, яды и танины, а также предметы, использовавшиеся мужчиной в повседневной жизни. Мы молча и со все большим удивлением следили за действиями Кинбора, пораженные необычной логикой подхода к подаче его собственной культуры.

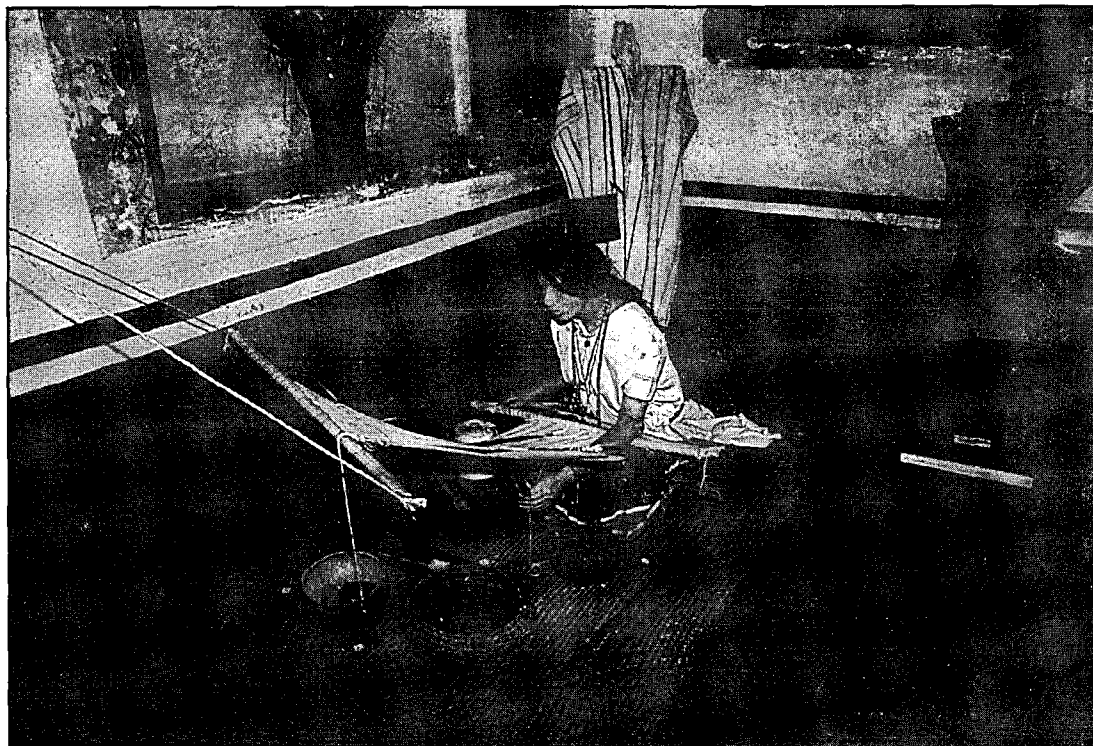
Последний раздел выставки он посвятил своему символическому миру, всему, что связано с его богами. Здесь были представлены ароматические травы, используемые во время церемоний, сигары из коры, кристаллы смол, статуэтки из латекса (лакандоны сжигают их для излечения больных), деревянные палки для разведения ритуального костра, шарики из дерева аннатто, полоски коры (ими обвязывают голову и накрывают курильницы), длинные волокна растения бальче (из него готовят церемониальный напиток), раковины и ритуальные барабаны.

Один из разделов рассказывал об инициации детей. Там можно было познакомиться с небольшими предметами, которыми дети пользуются во время обряда, сопровождающего их вступление в пору юношества: маленькими луками и стрелами – взрослые терпеливо вырезают их для обучения детей; канатами, сделанными из высушенной древесины дерева саподилья; глиняными куклами – их укачивают девочки; бусами из красных семян – цвета ритуальной крови; семенами тыквы, символизирующими ум, и перьями тукана, символизирующими юность.

Результаты работы приносят удовлетворение

Это не была игра воображения: Кинбор преподал нам поразительный урок организации экспозиционного пространства в музее. Он никогда не был в музее и – я уверена – ничего не знал о существовании таких экспозиций, но наглядно продемонстрировал, насколько важен каждый предмет и какую роль он играет в особом контексте, определяемом и формируемом данной культурой и понятном людям, создающим и использующим эти предметы, людям, неотъемлемой частью жизни которых они являются. Он сумел воссоздать экспозицию в рамках гармоничной, логически законченной символической системы, причем без его помощи нам едва ли удалось бы постичь ее смысл. Лес и его особые взаимоотношения с мужчинами и женщинами, круг повседневных забот женщин, мужские ремесла, мир, связанный с богами и религиозной жизнью, вступление молодого поколения во взрослую жизнь, исполнение особых ритуалов – с помощью всего этого Кинбор смог рассказать нам о внутреннем устройстве своего общества. Сам того не понимая, он продемонстрировал новый подход к трактовке традиционных ремесел на основе своей интерпретации областей общественной жизни и деятельности, играющих решающую роль в сохранении, передаче и использовании знаний.

На следующем этапе мы занимались интенсивной научно-исследовательской работой. В жаркие районы влажных тропических лесов отправилось несколько групп студентов, которым удалось дойти до холодных центральных районов штата Чьяпас; мы приступили к изучению ритуальной системы тсотсилей, навыков врачевания индейцев чоль и материальной культуры соке, тсель-

*«Затем он перешел к воссозданию типичной комнаты...»
Выставка,
организованная в
Музее Кармен,
1988 год.*

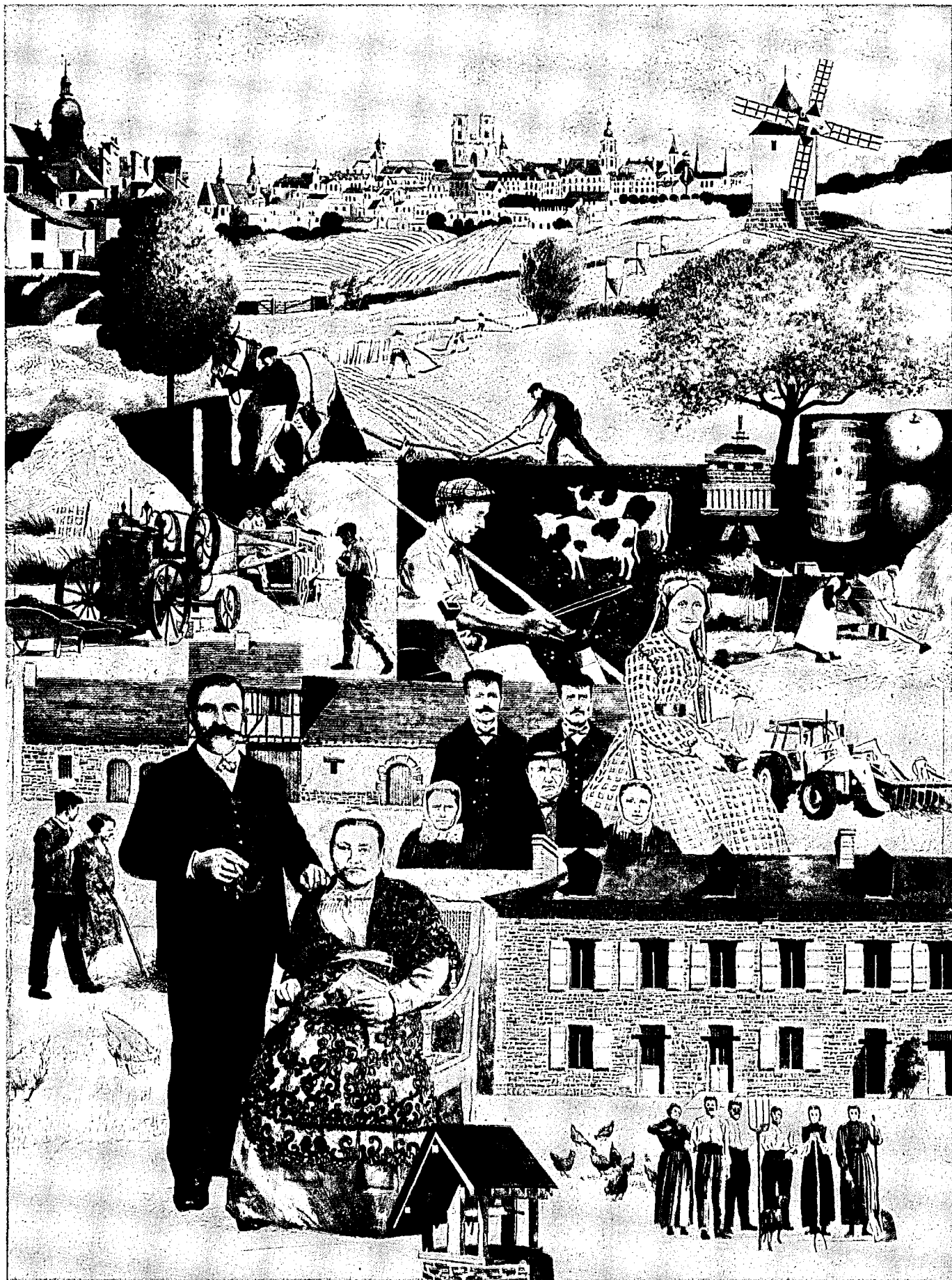
© Marie-Odile Marion

талей и тохолабелей, живущих в джунглях. Черновые варианты дипломных работ свидетельствовали о том, что наши усилия скоро принесут хорошие плоды.

В июле 1990 года в местном культурном центре в Кайоакане состоялась заключительная выставка, где особенно широко были представлены предметы материальной культуры майя. Выставка и цикл лекций, приуроченных к ее проведению, позволили нам шире посмотреть на различные аспекты изучаемых нами традиционных культур через выявление сходства и различий между ними с точки зрения используемых технических приемов, формы эстетического выражения, различных экологических условий существования культур, общественной организации, необходимой для их сохранения и передачи последующим поколениям, а также с точки зрения

символов, гарантирующих такую передачу.

Представителей народа майя, живущих на полуострове—на холодных землях и в тропических лесах,—объединяют их ремесла, их орудия труда и инструменты, тканые и украшенные вышивкой изделия, музыкальные инструменты, мебель и плетеные изделия. Нам удалось по-новому взглянуть на их сходство и местные различия, которые возникли вследствие многообразия творчества и неповторимости народного искусства. Кроме того, выставка позволила нам положительно оценить результаты пятилетней совместной работы и доказать скептикам, что исследовательская деятельность без элемента обучения не приносит большого удовлетворения и что антропологии не заказана дорога в музеи. ■

© Musée de Bretagne

На плакате, выпущенном Экомузеем Ренна (Франция), изображены различные периоды в истории фермы Бентинэ. Автор плаката Жан-Луи Симмоно использовал при работе над ним изобразительные материалы, хранящиеся в архивах.

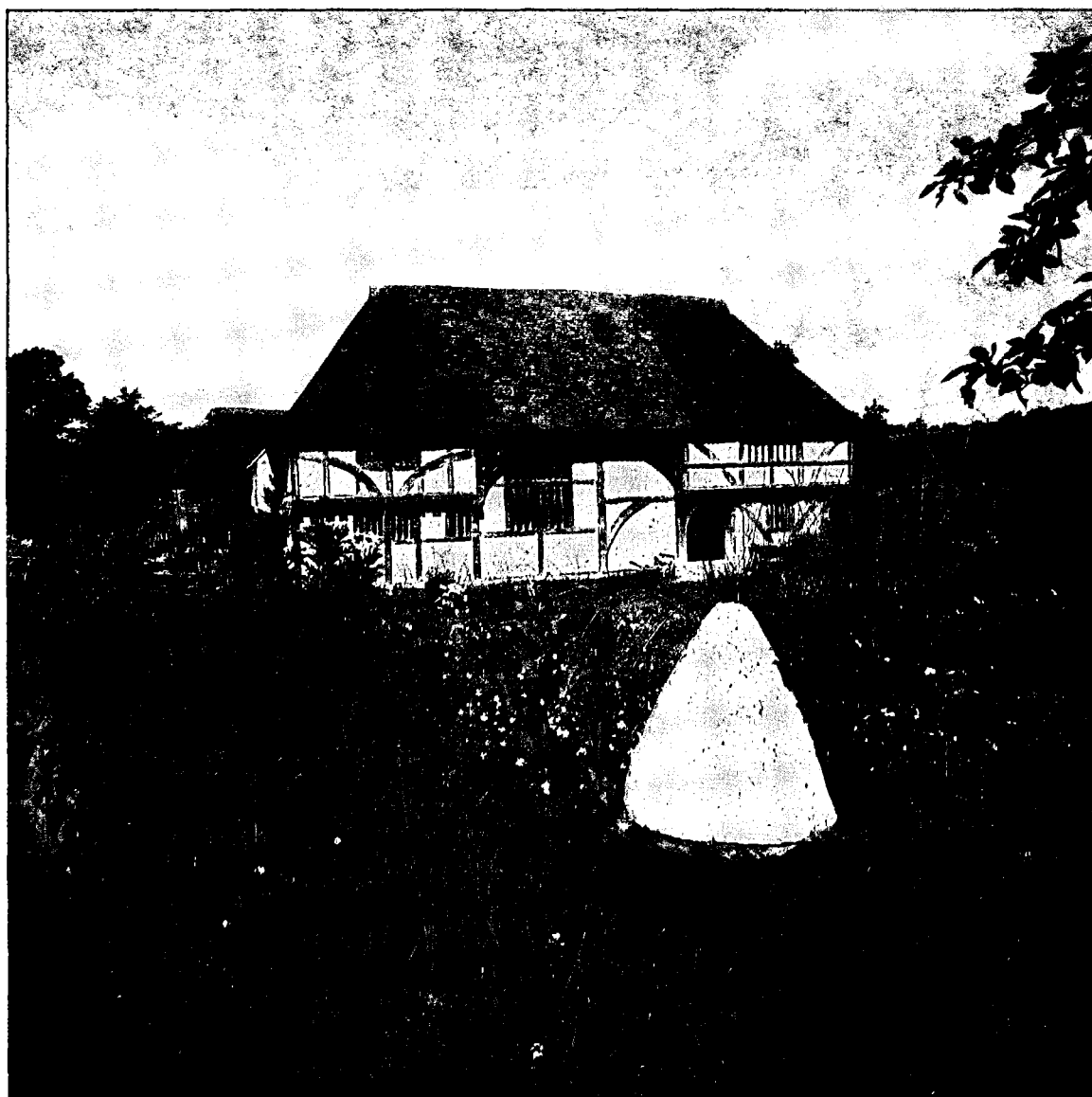
Музеи под открытым небом: некоторые размышления в связи с празднованием юбилея

Кристофер Зойнер
(Christopher Zeuner)

Столетний юбилей музея под открытым небом в Скансене стал важной вехой в развитии этого особого типа музеев. За период, прошедший после 1891 года, они получили широкое распространение и приобрели большую популярность. Столетие — повод как для торжеств, так и для переоценки достигнутого. В статьях, включенных в данный раздел, сделана попытка рассмотреть философские концепции, которые легли

в основу создания музеев под открытым небом и предопределили пути их развития, а также, как бы заглядывая в будущее, определить основные направления их дальнейшего развития с учетом требований и нужд различных сообществ.

Для начала я бы хотел коротко остановиться на идее прославления. В мире растущего профессионализма и специализации, а также все

*Дом с ульем,
XV век. Музей
под
открытым
небом Уильда
и Даунленда,
Суссекс,
Великобритания.*

более широкого использования технических средств в целях сохранения и научного изучения наследия прошлого не следует упускать из виду одну весьма важную особенность музеев, для определения которой как нельзя более точно подходит слово «прославление». Музеи под открытым небом действительно прославляют сельские общины и нарождавшиеся индустриальные общества путем показа их народного искусства, музыки, построек, тканей, мебели, творчества ремесленников и народных мастеров. Рассказывая о сообществах прошлого, мы в то же время отдаем должное и современным сообществам во всем их многообразии, проводя параллели и подчеркивая различия.

Пожалуй, музеи под открытым небом пользуются среди посетителей наибольшей популярностью и потому располагают исключительной возможностью донести до большого числа людей эту идею прославления. Музеи под открытым небом строят свою работу на традиционных научных принципах хранения, без чего они просто не могли бы существовать. Однако они являются сегодня неотъемлемой частью индустрии туризма. Большинство пользователей таких музеев, бесспорно,

рассматривает их как принадлежность рекреационной сферы, сферы развлечений. Вполне возможно, что контингент их посетителей включает социально-экономические группы, которые, как правило, вообще не ходят в музеи. Если я не ошибаюсь в своем предположении, то музеи под открытым небом имеют возможности для коммуникации, недоступные более традиционному типу музеев. Рассказывая о достижениях прошлого, они позволяют людям лучше понять современное состояние общества, выработать собственное мнение и определить более четкие перспективы на будущее.

Музеи прекрасно осознают свои широкие возможности, поэтому их руководители ищут новые пути для достижения поставленных целей. Музеи под открытым небом постоянно меняются. По-прежнему признавая важность традиционных задач и не отказываясь от их решения, многие музеи под открытым небом поставили перед собой новые цели, не входившие ранее в сферу их компетенции. Я уверен, однако, что читатели, которых заинтересуют статьи данного подраздела, обязательно почувствуют, что, несмотря на всю оригинальность идей и новизну технических средств, уже основатели первых музеев под открытым небом – особенно Артур Хазелиус в конце XIX века – имели ясное представление о многих из этих целей и задач. Сегодня музеи под открытым небом возрождаются облеченными в нетрадиционную форму, более отвечающую запросам и интересам современной публики.

Празднование юбилея Скансена и подведение итогов деятельности учреждений такого типа убедило музейщиков в том, что их музеи, нуждающиеся в моральной и финансовой поддержке, просто необходимы современному обществу. ■

Реконструкция в натуральную величину таверн при элинге XIX века. Музей Эдо, Фукагава, Япония.

© Fukagawa Edo Museum, Tokyo

Вначале был Скансен

Эва Норденсон
(Eva Nordenson)

В отличие от многих других учреждений подобного типа этот музей под открытым небом имеет точную дату и место рождения: 1891 год, холм Скансен, Стокгольм. В предлагаемой вашему вниманию статье нынешний директор музея рассказывает о его рождении.

В середине прошлого столетия Швеция была преимущественно аграрной страной с небольшими городами и всего лишь несколькими промышленными компаниями, в основном деревообрабатывающими и железнорудными. Разнообразие природных условий этой обширной страны — от равнин на юге до гор на севере — способствовало развитию богатой и разнообразной традиционной культуры. Уровень грамотности населения был достаточно высок, а в 1842 году ввели обязательное начальное образование.

В результате наполеоновских войн Норвегия отошла Швеции, следствием чего явилось создание Шведско-норвежской унии, просуществовавшей до конца XIX века. На Всемирной выставке в Париже в 1867 году обе страны были представлены на «Улице народов» единой экспозицией. Там экспонировались макеты некоторых известных деревянных построек эпохи позднего средневековья из Швеции и Норвегии, а также целая галерея манекенов, одетых в шведские и норвежские

национальные костюмы. Воплощенная в экспозиции идея — рассказать об особенностях национального характера через показ традиционной архитектуры и народных костюмов, — а также шведско-норвежское сотрудничество стали двумя факторами, сыгравшими немаловажную роль в формировании будущей концепции музея под открытым небом.

Во второй половине XIX века шведское общество вступило в новый этап: жизнь в сельской местности подверглась преобразованиям, развивались новые технологии и создавались различные предприятия. Процесс превращения Швеции из традиционно аграрной страны в промышленную сопровождался урбанизацией, а также оживлением во всех сферах социально-экономической жизни. Именно в этот период Артур Хазелиус, создатель Северного музея и музея Скансен, приступил к собиранию предметов традиционной культуры, с тем чтобы сохранить их для будущего.

Артур Хазелиус (1833–1901) родился в Стокгольме в буржуазной семье, в которой были очень сильные патриотические настроения. Учасье в Упсальском университете, он примкнул к панскандинавскому студенческому движению; он преклонялся перед староскандинавскими идеалами и свою дипломную работу посвятил исландской поэме «Хавамал». Затем он преподавал родной язык и был одним из авторов *Läsebok för folkskolan*, хрестоматии для начальных школ, ставшей самым популярным учебником в Швеции XIX века. В 1870-е годы он бросил учительствовать и отправился путешествовать по сельским районам страны. Он видел, как приходят в упадок старые фермерские хозяйства, умирают традиционные ремесла, выходят из употребления народные костюмы; его сильно встревожило, что великое наследие на-

родного творчества (сказки, баллады, танцы и музыка) предается забвению.

Хазелиус начал собирать предметы из сельских общин и в 1873 году организовал в частном доме в Стокгольме выставку своей «этнографической коллекции». Она стала ядром Северного музея, который является сегодня наиболее значительным музеем страны, рассказывающим об истории шведского общества. Используя опыт оформления всемирных выставок и музеев восковых фигур, а также вдохновляясь живописью дюссельдорфской школы, он создал крупные диорамы интерьеров жилых построек, воспроизвел их подлинную обстановку и населил манекенами в народных костюмах. Кроме того, он воссоздал ряд уличных сцен, используя пейзажи типа театральных декораций, манекены и чучела животных.

В 1880-е годы его все более захватывала идея заменить эти экспозиции «живыми картинами» и организовать филиал Северного музея — музей под открытым небом. Будучи педагогом, он понимал, что знание дается через опыт, а самый могущественный опыт приобретается через познание окружающей действительности с помощью наших чувств. Он заменил искусственно воссозданные интерьеры реальными постройками, восковые фигуры — живыми людьми, чучела — живыми животными, плоские декорации — шелестом настоящих берез, немую скрипку на стене — звучащей музыкой. Одним словом, это был романтический парк, который мог стать неисчерпаемым источником богатого опыта, впечатлений, переживаний, знаний и одновременно — располагал к размышлению.

В 1891 году этот «величайший нищий Швеции» приобрел холм Скансен в Стокгольме, где собрал вместе

© Peter Segemark, Stockholm

Народный танец в Скансене.

и представил на всеобщее обозрение дома и фермерские хозяйства, привезенные из различных провинций страны от севера до юга; здесь была даже стоянка саамов с ее обитателями, их собаками и оленями. Домашний скот занял привычное для него место на крестьянском подворье, а дикие животные, являвшиеся объектом традиционного охотничьего промысла – медведь, лось и рысь, – поселились в «зоологическом саду» Скансена. Хазелиус хотел показать скандинавскую флору и воссоздать вокруг привезенных построек их естественную растительную среду. Однако более всего его привлекала возможность познакомить с условиями жизни людей в патриархально-аграрном обществе, с их повседневными заботами, творениями их рук, жизнерадостностью и весельем праздников, разнообразием традиций, связанных с каждым временем года, танцами, музыкой, устным народным творчеством. Для своего детища, служившего одновременно целям познания и развлечения, он выбрал девиз «Познай себя», сделав таким образом Скансен местом паломничества для всех шведов.

Скансен был открыт в октябре 1891 года. Он стал первым музеем под открытым небом и послужил образцом при создании музеев такого типа во всем мире. Идея Хазелиуса о взаимодействии культуры и природы по-прежнему составляет концептуальную основу Скансена. За прошедшие сто лет коллекции музея значительно обогатились, и сегодня Скансен продолжает приобретать все новые материалы, которые могут быть использованы в просветительных целях для освещения различных аспектов истории, географии и социальной жизни Швеции.

За сто лет своего существования Скансен принял около 140 миллионов посетителей. ■

Первые музеи под открытым небом: о народных традициях — музейными средствами¹

Адриан де Йонг, Метте Скоугорд
(Adriaan de Jong, Mette Skougaard)

Как достичь популярности, не поступаясь достоверностью? Первым музеям под открытым небом в числе многих других проблем приходилось решать и эту. Авторы статьи рассказывают о происхождении и начальных этапах развития первых музеев под открытым небом в основном на примере двух, которые известны им лучше других. Голландец Адриан де Йонг изучал историю, историю искусства и музеологию, затем редактировал правительственный листок «К музейной политике»; с 1981 года он принимает активное участие в разработке политики управления в Нидерландском музее под открытым небом. Датчанка Метте Скоугорд изучала историю и этнологию; с 1979 года она занимает должность хранителя Музея под открытым небом в Люн-

бю. Автор многочисленных исследований по культуре датского крестьянства.

Сама идея переносить и заново собирать старые постройки не была для второй половины XIX века чем-то новым. Элемент новизны состоял в том, что специально отобранные строения переносили в музей, где они должны были сохраняться для будущих поколений, которые по ним могли бы составить представление о доиндустриальной культуре сельского населения.

Остается спорным вопрос о том, где и когда был создан первый музей под открытым небом. Еще в 1882 году публика могла видеть старый

норвежский сельский дом, реконструированный и размещенный в окрестностях Осло рядом с поместьем Бюгдэй шведско-норвежского короля Оскара II. Бесспорно, однако, что создание Артуром Хазелиусом Скансена в Стокгольме послужило толчком для организации музеев под открытым небом по всей Скандинавии, а затем в других европейских странах и США.

В этот период создается целый ряд музеев под открытым небом. Вскоре после основания в 1891 году Скансена Норвежский народный музей приобрел и в 1895 году перенес на свою территорию первый старинный дом. В 1897 году в Копенгагене были открыты для посетителей первые два дома, вошедшие впоследствии в состав Музея под от-

Исполнение
народного танца
в Норвежском
народном музее,
1902 год.

© Norsk Folkemuseum, Bygdøy (Norway)

крытым небом в Люнбю. В конце столетия по всей Скандинавии, помимо упомянутых национальных музеев, возникали более мелкие музеи под открытым небом.

Концепция нового музея быстро прижилась в Финляндии, Северной Германии и Нидерландах, и таким образом музеи под открытым небом стали явлением международного масштаба, правда, в пределах определенного региона. Постараемся пролить свет на происхождение и начальные этапы развития первых музеев под открытым небом, прослеживая историю двух из них – в Люнбю (Дания, 1901) и Арнеме (Нидерланды, 1912).

Музеологическое воплощение замысла

За прошедшие годы выдвигалось немало теорий относительно того, как родилась идея создания музеев под открытым небом. Этот вопрос можно рассматривать в двух аспектах: перенесение древних сооружений ради их самих или использование таких построек в качестве помещения для организации специальных экспозиций, диорам, воссоздания живых картин и т. д.

В XIX веке в ряде стран возникло движение за создание этнографических музеев. Такие музеи состояли из единичной постройки или группы строений (среди них были как подлинные здания, так и их копии), их восстанавливали, чтобы использовать как помещения для временных выставок. В качестве первого из известных примеров можно привести индонезийский *кампонг* (деревню), воссозданный на международной выставке в Амстердаме в 1883 году. Это был один из самых популярных разделов выставки, где посетители могли послушать народную музыку в исполнении индонезийцев, позна-

комиться с традиционными методами ведения сельского хозяйства, например вспашкой земли на буйволах.

Мы не знаем, что подтолкнуло Артура Хазелиуса и подобных ему энтузиастов к созданию музеев под открытым небом – может быть, и постройки индонезийской деревни, – но бесспорно то, что крупнейшие международные выставки того периода, где были представлены произведения искусства, изделия народных мастеров и предметы старины, а также новейшие промышленные изделия, сыграли немаловажную роль, став источником вдохновения для новаторов музейного дела во многих странах мира. Уже в 1900 году было высказано мнение, что идея создать Скансен родилась у Артура Хазелиуса после посещения Всемирной выставки в Париже в 1878 году, где он увидел постройки, доставленные из французских колоний. Правда, внутри их не была воссоздана традиционная обстановка, поскольку они использовались в качестве своеобразных витрин для демонстрации колониальных товаров из этих стран. В 1876 году на Всемирной выставке в Париже ряд стран построил выставочные павильоны в стиле соответствующей национальной архитектуры. Так, норвежский павильон напоминал по форме огромную голубятню, а шведы воссоздали точную копию традиционного дома. Артур Хазелиус, должно быть, видел эту экспозицию, поскольку уже в 1890 году он представил готовый план создания Скансена, в котором фигурировал и этот дом.

На перенос и реконструкцию здания, как уже упоминалось, можно посмотреть как на дальнейшее логическое развитие принципа воссоздания интерьера. Бернхард Ольсен, основавший датский Музей под открытым небом в Люнбю, дал чет-

кую формулировку этого принципа, основываясь на собственных впечатлениях, вынесенных им от посещения старой фермы в Скопе в 1879 году: «Внутреннее убранство комнат определяется архитектурной формой, как бы вырастает из нее и настолько тесно связано с ней, что практически каждый предмет занимает раз и навсегда отведенное ему место и изъять его оттуда не представляется никакой возможности». Хотя Бернхард Ольсена и поразило подлинное оформление интерьера в старом фермерском доме, несомненно, что всемирные выставки сыграли исключительную роль в дальнейшем развитии принципа интерьера применительно к воссоздаваемым зданиям. Скандинавскую этнографическую коллекцию Артура Хазелиуса, показанную им на Всемирной выставке в Париже в 1878 году, часто рассматривают как важнейший источник вдохновения для его последователей. С помощью различных предметов он воссоздал интерьеры, в которые поместил манекены в национальных костюмах, и все это напоминало театральные мизансцены, выразительные картины из жизни людей.

Итак, в экспозиции шведов были воспроизведены интерьеры небольших комнат, в которых отсутствовала одна стена, и таким образом публика могла знакомиться с их внутренним убранством. Голландцы пошли еще дальше, воссоздав на выставке комнату, типичную для городка Хинделопен, расположенного на Фризских островах, в которую мог войти каждый желающий. Бернхард Ольсен так писал о голландской экспозиции: «Все предметы были взяты из старых домов, и каждый занимал надлежащее место. Впечатление было волнующим: как только я ступил в эту комнату, то сразу очутился в другом мире, отделенном от современной многолюдной выставки временем и про-

странством, и понял, что это верный путь создания народного музея». Тот факт, что стены, пол и потолок были нарисованы на картоне, а мебель собрана из различных домов Хинделопена, не убавил энтузиазма у наших предшественников. Ощущение, что вы находитесь в настоящей комнате, оказалось важнее вопроса о подлинности архитектуры.

Перенесение зданий и воссоздание в них подлинных интерьеров – вот два принципа, сыгравших важнейшую роль в дальнейшем развитии такого феномена, как музей под открытым небом. Но был еще один значительный фактор – сами люди. Во многих этнографических деревнях, представленных в прошлом на международных выставках, можно было видеть местных жителей, занятых различными видами трудовой деятельности; сегодня же считается неэтичным выставлять людей подобным образом. И все же люди стали неотъемлемой частью музеев под открытым небом, но в более приемлемой форме, позитивной у театра и популярных в тот период живых картин. Так возникла идея исполнения песен и танцев, зародились замыслы проведения других мероприятий, типичных для Скансена и – в меньшей степени – для других музеев под открытым небом. Это со всей очевидностью демонстрирует сущность дуализма концепции музеев под открытым небом: попытка оживить историю и представить ее в занимательной форме, с одной стороны, и необходимость сохранить подлинность и достоверность, придерживаясь научного подхода, – с другой.

Такая двойственность подхода породила немало противоречий, не замедливших проявиться в Нидерландском музее под открытым небом вскоре после его открытия, когда ученые-консультанты, планиро-

вавшие проведение в нем крупных фольклорных праздников, единодушно отвергли идею «демонстрации привычек, обычаев и поведения, характерных для частной жизни узкого семейного круга». Они считали также, что «использование старой, вышедшей из употребления одежды, подходит разве что для воссоздания банальных живописных картин; в других же случаях она может вызвать лишь снисходительно-сочувственное отношение и даже любопытство, но в конечном счете сделает объектом насмешек еще находящиеся в употреблении местные народные костюмы».

Из истории первых музеев под открытым небом

Возникновение музеев под открытым небом нельзя объяснить только развитием музеологии. Если посмотреть на этот вопрос шире, то их создание стало выражением возросшего интереса к народной культуре и ее проявлениям в духовной жизни нации на протяжении второй половины XIX века. Несомненно, что главной причиной такого интереса было стремление сохранить культурную самобытность, которая все больше подвергалась угрозе исчезновения.

Одна из причин этого крылась в стремительной модернизации, происходившей в то время. В результате индустриализации и урбанизации в Европе произошли необратимые изменения. Люди, на протяжении поколений безвыездно жившие на одном месте или в определенном районе, начали мигрировать, и их традиции рассеялись, были утрачены в суете столичной жизни. В то время как рабочий класс объединялся для защиты своих прав, основатели музеев под открытым небом собирали то, что осталось от традиционных сельских общин и их «неис-

порченного» окружения. Недовольство растущим единообразием современного общества было в полный голос выражено Ф. А. Хуффером, отцом-основателем Нидерландского музея под открытым небом, в его призыве поддержать музей: «Но кто способен сдержать движение к новому и единообразному? В ряде мест люди по-прежнему используют мебель и посуду, традиционные для данного района, однако постепенно и сюда проникают стандартные товары промышленного производства».

Второй причиной растущей тревоги за сохранение самобытности было усиливавшееся экономическое и культурное давление на различные районы со стороны крупных городов, являвшихся резиденциями правительств унитарных государств. Благодаря развитию скоростных средств транспорта отдаленные районы стали испытывать все возрастающее воздействие общенациональной культуры, в то время как на районные и местные особенности смотрели как на пережитки, которыми суждено было в кратчайшие сроки кануть в небытие. Такие факторы, как централизация образования, призыв на военную службу, перевод по службе и утверждение национальных праздников, способствовали формированию культурного единства, практически не оставлявшего места диалектам и наречиям – в ряде стран их даже пытались искоренить.

Когда последствия модернизации и растущего единообразия стали прописываться все более отчетливо, как бы в противовес им возникло контрдвижение, которое привлекло внимание к жертвам, принесенным на алтарь прогресса. Оно подпитывалось смешанными чувствами: тут был и местный патриотизм, и недовольство как изгнанием с исконных земель традиционных общин, так

и посягательством на красоту местных ландшафтов, следовательно на сельскую архитектуру, и неоромантизм с налетом грусти по исчезнувшим древним традициям. Основатели музеев под открытым небом входили в это контрдвижение. Поразительно, что идея создания таких музеев принадлежала представителям интеллигенции, а не фермерам. Но дело в том, что создатели музеев хотели сохранить для будущих поколений характерные живописные и примитивные черты сельской местности, а не представить историю сельского хозяйства. Они были не одиноки в своем стремлении, поскольку имели предшественников, в том числе писателей, поэтов и художников.

Интерес к угасающей народной культуре был действительно очень велик, что привело к созданию во многих странах музеев, посвященных местной культуре. Однако такой своеобразный феномен, как музей под открытым небом, длительное время был распространен только в скандинавских странах, а также Нидерландах и Северной Германии, что объясняется, вероятно, интересом к Скандинавии – к ее нетронутой природе и последнему «первобытному» народу Европы, каковым в то время считали саамов, – возникшим в 1890 году в Нидерландах и Германии. Эту атмосферу передали в своих произведениях известные скандинавские писатели Бьёрнстjerne Бьёрнсон и Сельма Лагерлёф, а путешественники, стремившиеся достичь Северного полюса, не упускали случая, чтобы рассказать своим соотечественникам о том, как бережно скандинавы сохраняют народную культуру. Проявившийся тогда интерес к прошлому германских народов, которое порой даже противопоставлялось «импортированной» греко-романской культуре, и увлечение германофильством привели к активизации контактов. В

1909 году голландско-бельгийский филолог Анри Ложеман дал подробное описание скандинавских музеев под открытым небом и высказался за создание подобных музеев в Нидерландах и Бельгии. Перед тем как основать Нидерландский музей под открытым небом Хуфер дважды побывал в Скандинавии и был поражен необыкновенным сходством между одной из ферм в датском Музее под открытым небом в Люнбю и фермами восточной части Нидерландов.

Неразгаданная загадка

Активизация контактов дает приемлемое объяснение быстрому распространению музеев под открытым небом в Нидерландах и Северной Германии, но до сих пор остается загадкой, почему этот процесс не затронул южные районы Европы. Интерес к народной культуре, ярко проявлявшийся в различных странах, в том числе во Франции, где он выразился в создании в Провансе Фредериком Мистралем в 1899 году Музея Арлатен, свидетельствует о том, что отсутствие музеев под открытым небом не является признаком безразличного отношения к народной культуре в странах романских языков. Вероятно, распространение первых музеев под открытым небом зависело от практических возможностей перенести постройки, которые, бесспорно, значительно шире в тех сельских районах, где преобладают строения из дерева, глины и даже из кирпича, чем там, где в традиционном строительстве использовался тяжелый камень.

Сознание того, что все мы своими корнями уходим в сельскую общину, привело не только к возникновению местного патриотизма, но и к отождествлению сельских традиций с национальной самобытностью.

Удивительно, но и сегодня национальная самобытность выражается средствами фольклора, берущего свое начало в сельской местности. Например, в рекламе голландского сыра девушки одеты в местный костюм, воспринимаемый как национальная одежда Нидерландов, хотя он отнюдь не является таковым. И музеи под открытым небом, особенно центральные, в которых собраны коллекции со всей страны, также считаются национальным символом.

Поэтому для Бернхарда Ольсена было важно, чтобы основанный им музей служил национальным идеалом: «Отбирая здания для Люнбю, я добивался того, чтобы можно было представить развитие различных типов домов во всем — от очага до кирпичной трубы. Я привез их из заброшенных деревень не только потому, что там были обнаружены самые ранние строения. Я сделал это с той целью, чтобы наша молодежь знала все, что относится к прошлому Дании, чтобы увековечить память о том, что было утрачено, и положить начало духовному и интеллектуальному накоплению того, что было рассеяно и уничтожено, — единственная форма накопления, которую я могу себе представить».

Сам Скансен служит олицетворением национальных чувств шведов, что находит выражение в ежегодном праздновании там Дня шведского флага. А вот другой пример: в 1919 году Нидерландский музей под открытым небом стал центром выражения национальных чувств, взяв на себя проведение грандиозного патриотического национального праздника, в котором приняли участие все провинции страны. Праздник проходил при огромном стечении народа, что было расценено некоторыми историками как проявление национальной солидарности перед

лицом общей опасности социалистической революции, возникшей после первой мировой войны. Эта зыбкая, временами устанавливавшаяся связь между музеями под открытым небом и национальными чувствами создает противоречивые впечатления и вызывает двойственное ощущение. Если смотреть на данную проблему с мировой точки зрения, то возникает вопрос, а не способствуют ли в таком случае музеи под открытым небом не расширению, а сужению духовного горизонта, что никак не вяжется с привычными представлениями о предназначении учреждения культуры.

С нашей стороны было бы непростительной ошибкой, если бы мы, давая оценку первым музеям под открытым небом, не упомянули об их просветительной роли. Музеи под открытым небом считались учреждениями, как нельзя более подходящими для просвещения и обучения населения и дающими возможность сделать первый пробный шаг на пути приобщения простых людей и детей к культуре, искусству и формированию у них хорошего вкуса. Необходимо упомянуть и о тесной связи между первыми музеями под открытым небом и концепцией высших народных школ, весьма популярных в то время. Проследивается также четкая связь с движением «искусств и ремесел» в том, что касается отношения к изделиям традиционных народных промыслов как к источнику вдохновения для прикладного искусства в противовес продукции массового производства, которая считалась уродливой. Являясь в прошлом директором увеселительного парка Тиволи в Копенгагене, Ольсен тем не менее был серьезным ученым. Поэтому он считал, что необходимо показать (на основе господствовавших тогда эволюционных теорий) постепенное развитие фермы — от примитивного

строения, служившего общим убежищем как для людей, так и для животных, до полностью оснащенного многофункционального хозяйства, включающего различные постройки и здания.

Старые музеи, современность и новые требования

Естественно, с течением времени эти ученые теории устарели, и первые музеи под открытым небом сегодня не во всем отвечают замыслам своих организаторов. Тем не менее на протяжении столетий их работа основывалась на принципах, выдвинутых Хазелиусом и его последователями, включая перенос старых зданий и создание интерьеров. Перед нами стоит ряд вопросов, например: каким периодом следует ограничить отбор экспонатов? Следует ли показывать индустриализацию сельской местности? Сегодня лишь ничтожно малая часть населения промышленно развитых стран проживает в сельских районах, и культурные различия, характеризовавшие сельское население и жителей городов и четко прослеживавшиеся в прошлом столетии, сегодня практически стерлись. Поэтому нам следует задаться вопросом, в какой мере наш музей отображает сельскую общину и какими концепциями мы будем руководствоваться в будущей работе.

Другой важный вопрос касается подлинности. Довольно просто перенести здание в музей и обставить его так, чтобы создать у посетителя иллюзию достоверности, ведь так или иначе полная достоверность — это иллюзия. С течением времени здания подвергались переделкам, и именно мы должны решать, к какому периоду они относятся, мы проводим реставрационные работы и принимаем меры по обеспечению сохранности построек. Что касается

интерьера, то здесь добиться полной достоверности просто невозможно, поскольку мебель, используемая для его оформления, как правило, не имеет к данному зданию никакого отношения. Более того, даже в полностью обставленном доме, каким бы подлинным он ни казался, посетитель не сможет ощутить нищету, антисанитарию и другие малоприятные стороны жизни в старые времена. Чем детальнее реконструкция прошлого, тем больше риск дать искаженную картину, которая может иметь у публики успех, но поставит под угрозу добросовестность музея и подорвет его авторитет.

Если учесть историческую двусмысленность зарождения концепции музея под открытым небом, коренящуюся, с одной стороны, в развлекательном характере всемирных выставок, а с другой — в изучении народной культуры, то наличие подобных проблем, связанных с достоверностью, вполне объяснимо и понятно. Публика легко подпадает под влияние этой двусмысленности и считает «обычные» фольклорные музеи научными, а музеи под открытым небом — общедоступными. Неудивительно поэтому, что некоторые руководители начинают тешить себя надеждами на более благополучное финансовое положение музеев под открытым небом в сравнении с другими.

Однако существует огромная опасность, кроющаяся в недооценке научной и просветительной функций музеев под открытым небом, особенно в наше время. Коренные перемены в Восточной Европе, растущая экономическая интеграция и расширение Европейского сообщества, а также иммиграция иностранных рабочих — все это вновь ставит на повестку дня проблему самобытности, и в ее решении музеи под открытым небом могут сыграть положитель-

У очага в фермерском доме из Остенфельда, 1913 год. Музей под открытым небом в Люнгбю (Дания).

ную или отрицательную роль. Положительная роль требует нетрадиционных подходов и творческих идей, рожденных новейшими достижениями современной науки, которая не может себе позволить идти на поводу у чувств. Если бы можно было высказать одно-единственное пожелание в связи с празднованием юбилея Скансена, то оно состояло бы в следующем: дальнейшее развитие музеев под открытым небом должно осуществляться на основе сбалансированного подхода, с учетом интересов как науки, так и массового посетителя. ■

Примечание

1. Данная статья написана на основе архивных материалов и различных литературных источников, но из-за ее ограниченного объема мы не имеем возможности перечислить их все. Однако мы хотели бы сделать исключение для трех публикаций, которые считаем крайне важными: A. J. Bernet Kempers, *Fifty Years of Netherlands Open-air Museum* (Arnhem, 1962); P. Michelsen, *Frilandsmuseet: the Danish Museum Village at Sorgenfri; a History of the Open-air Museum and its Old Buildings* (Copenhagen, 1973); Tonte Hegard, *Romantikk og fortidsvern. Historien om de første friluftsmuseene in Norge* (Oslo, 1984). Выражаем огромную признательность ряду специалистов, оказавших нам помощь советом и предоставившим информацию по некоторым вопросам.

Слабое пиво, крупные свиньи и англо-голландская война 1627 года

Тоби Томпкинс
(Toby Tompkins)

Автор данной статьи, писатель и актер, живет в городе Ниу Недерланд оп ден Маннахатус, более известном под названием Нью-Йорк.

Отцы-пилигримы (и Матери-пилигримы) никогда не имели намерения поселиться в Новой Англии, а оказавшись там, не носили пряжек на шляпах. День благодарения, отмечаемый каждый четвертый четверг ноября, впервые праздновали лишь в XIX веке. Когда Пилигримы устраивали праздники, то зачастую довольствовались жестким мясом дикой индейки, хотя и предпочитали оленину или английскую солонину, несмотря на то что после долгих месяцев плавания по морю она приобретала вкус вареного сапога. Они терпеть не могли клюкву и считали, что ее едят только медведи и «дикари». Первая высадка на берег произошла не в Плимуте; когда же Пилигримы появились там, их корабль (это, очевидно, был совсем не «Мэйфлауер») не разбился о прибрежные скалы (подобного упоминания нет в источниках), а был вытаскен на песок. Название «Мэйфлауер» (*Майский цветок*) вряд ли подходило старому, раскошшемуся и всячески проклинаемому Пилигримами торговому суденышку, зафрахтованному в Лондоне по дешевке организаторами путешествия. Судно, выставленное сейчас в Плимуте, является точной реконструкцией корабля типа «Мэйфлауер», но сам оригинал был демонтирован в Англии вскоре после знаменитого плавания, и его чертежей не осталось.

В Плимутской колонии никогда не сжигали ведьм (в Салеме — тоже, там их вешали), зато имелись колодки, которые предназначались для слуг, напившихся в общественных местах, хотя сами Пилигримы отнюдь не были трезвенниками. Они пили пиво или вино (если могли его достать) с такой же охотой, как и все европейцы того времени, но напивались в узком кругу. Менее половины из тех, кто пережил первую тяжелую зиму, были Пилигримами. Сам термин был использован лишь однажды,

в метафорическом смысле, в первых хрониках.

Почти ничего из того, чему учат американцев о первых поселениях в Новой Англии, не соответствует действительности. Задача музея живой истории «Плимутская колония» в Массачусетсе состоит в том, чтобы исправить ошибки, избавиться от мифов, накопившихся за триста лет, и представить наглядную картину реальной жизни первых поселенцев.

С тех пор как после окончания второй мировой войны плимутец Генри Хорнблауер II начал сбор средств для создания модели деревни 1627 года, она претерпела немало изменений, прежде чем приобрела современный вид. Вначале она представляла собой некое подобие деревни с манекенами в одеждах Пилигримов, своеобразными постройками и экскурсоводами, рассказывающими о предметах, относящихся к гораздо более позднему времени. Сегодняшняя деревня — это полнокровная, подлинная община, в ней живут мужчины и женщины, принявшие имена и образы «святых и странников», о которых достоверно известно, что они жили там через семь лет после прибытия Пилигримов. Жители деревни говорят на воссозданной смеси различных диалектов раннего нового английского языка, употреблявшихся в тех местах, откуда эмигрировали Пилигримы. На поляне около Ил-Ривер индейцы вампаноаг, состоящие в штате музея, ежегодно разбивают летнюю стоянку, как это делали их предки. Говорят они на смеси английского языка XVII века и своего родного.

Появляется Исаак

Я впервые познакомился с «Плимутской колонией» в 1979 году,

когда группа ее руководителей решила внести некоторое разнообразие в проведение октябрьского Праздника урожая. Праздник заключался в том, что жители деревни отмечали окончание сбора урожая пиришеством и благодарственными молитвами, но многочисленным посетителям быстро надоело смотреть на то, как другие целый день едят. Было решено объединить этот праздник с воссозданием события, которое, как известно, состоялось в октябре 1627 года: посещением англичан группой голландцев из новой колонии в Манхаттане. Возглавлял голландцев некий Исаак де Разер, второе лицо после губернатора Питера Миньюта. В своем письме домой де Разер дал одно из самых ранних описаний английского поселения. Торжественно обставленный визит высокопоставленных иностранцев должен был придать празднику новое звучание, и перед организаторами встала задача найти «голландцев». Поскольку никого из штатных сотрудников нельзя было использовать для роли де Разера, руководители решились на сомнительный шаг — пригласить актера, обладающего лишь теми достоинствами, что он немного знал историю XVII века и был похож на голландца (хотя ни слова не говорил по-голландски).

Я познакомился с Питером Куком, тогдашним руководителем выставочной работы, случайно, на рождественской вечеринке в 1979 году. Ни о чем не подозревая, я распространялся о своем увлечении историей первых поселенцев. Питер сетовал на трудности с подбором актеров, а вскоре после этого я получил письмо от Лена Траверса, ответственного за проведение в «Плимутской колонии» просветительной работы. В письме Лен задал мне кучу вопросов, поскольку историки в Плимуте с вполне оправданной подозрительностью относятся к актерам,

опасаясь проникновения вездесущей «диснеефикации». Я удачно ответил на все вопросы, содержащиеся в письме, и вскоре получил объемистый пакет с материалами по биографии де Разера, краткой историей Соединенных провинций периода «золотого века», отрывками из источников об основании и первых годах Ниу Недеerland оп ден Маннахатус, а также небольшим учебником голландской фонетики, изучив который можно было не опасаться, что при разговоре с тобой у голландца случится разрыв сердца. Всю зиму я провел, пытаюсь разобраться в своем герое и его времени, а летом 1980 года не без некоторого трепета впервые посетил деревню и буквально влюбился в нее. Я не бывал здесь с тех пор, как ребенком проводил лето на Кейп-Коде. Помню, экскурсии там водили почтенные леди в домашних чепцах.

К счастью для меня, об Исааке де Разере известно гораздо меньше, чем о руководителях английской колонии, поэтому я мог дать простор своей фантазии. В колонии Миньюта он занимал две должности — главного купца (*opper koopman*) голландской вест-индской компании и секретаря (*sekretaar*) губернатора, и поэтому постоянно оказывался в центре столкновения интересов. Впоследствии «враждебная партия» служащих компании (в отличие от людей Брэдфорда, голландцы из Манхаттана работали по контракту или были торговцами) вынудила его в 1628 году возвратиться домой. Он пробыл на острове «старый Маннахатус» только два года и покинул его с чувством омерзения, столкнувшись с беспорядками и корыстолюбием жителей голландской колонии. Из его писем становится ясно, что посещение английской деревни произвело на него сильное впечатление: в 1627 году она процветала под руководством Брэдфорда, ее насе-

ляли богобоязненные семейства (голландцы, напротив, были холостяками и вечно имели неприятности из-за индейских женщин), твердо решившие начать новую жизнь в Новом Свете.

Англичане и голландцы были союзниками, но где-то там, в далекой Европе, а не в Новом Свете. Цветистые письма де Разера (Брэдфорд жаловался, что голландцы слишком любили пышные титулы) скрывали тот факт, что его миссия в какой-то степени была шпионской: ему поручалось не только наладить торговые связи с Плимутом, но и прощупать сильные и слабые стороны английской колонии. По мнению руководителей музея, за внешней парадностью моих отношений с Брэдфордом должен таиться скрытый подтекст. Мне уже было ясно, что мой герой был педантичным, довольно скучным, но вспыльчивым человеком. Он искренне хотел организовать постоянную колонию на Манхаттане. Ловкий торговец, он был необыкновенно красноречив и обладал даром убеждения. Именно он ввел в обиход *вампу* — деньги из раковин, изготавливавшиеся в больших количествах индейцами, живущими около Манхаттана, однако коренные жители залива Массачусетс их не знали. Мне хотелось вставить в свою роль два известных анекдота. Один из них — о том, как в 1626 году около современного Олбани небольшой голландский гарнизон потерпел поражение в стычке со свирепыми индейцами-могавками, которые увели к себе в лагерь по крайней мере одного белого и там съели его. Я также узнал, что знаменитая история о том, как Миньют купил Манхаттан за безделушки стоимостью в 24 доллара, — истинная правда. Вся соль здесь в том, что он заключил сделку не с теми индейцами — это была группа охотников племени канарси, с удоволь-

Автор статьи в роли Исаака де Разера (слева) с Доугом Пейнтером, игравшим роль Брэдфорда.

ствием избавивших белого простофилю от его товара. Жаль, им не пришлось в голову, стоя на каком-нибудь мосту, продать заодно и этот мост. Каннибализм и мошенничество — да, я не мог упустить такого случая!

А какой великолепный костюм сделали для меня Нэнси Фи и ее помощницы! Будто сошедший с полотна Франса Халса, со всеми его 288 золочеными пуговками, он был сшит вручную (зоркие посетители всегда замечают машинную строчку). Я чувствовал себя важной персоной, несмотря на то что когда я попробовал заговорить по-голландски с директором музея, д-ром Джереми Бэнгсом, хорошо знавшим этот язык, то услышал от него, что, судя по произношению, я приехал

из Швеции или, может быть... из Нью-Джерси.

Восемь часов импровизации

Ощущая себя скорее студентом, наспех зазубрившим какие-то сведения к экзамену по истории, чем актером на выходе, вступил я со своим окружением в тот дождливый день в ворота музея. Настоящий де Разер явился «под звуки труб», но единственный человек, который мог извлечь хоть один звук из нашего рожка, испугался дождя и не пришел. Рич Куррьер, подобно Майлсу Стэндишу, вознамерился встретить нас орудийным салютом, но порох подмок, и когда он подул в отверстие, куда вставлялся фитиль, раздался взрыв и ему опалило брови и бороду. Когда мы, наконец, встретились, он выглядел так, будто только что вышел из битвы, о которой не упоминалось в научных исследованиях.

В доме губернатора Доуг Пейнтер, игравший роль Брэдфорда, предложил нам что-нибудь выпить. Чай и кофе появились в английском поселении лишь лет через пятьдесят после изображавшегося события, поэтому пришлось выбирать между пивом и вином. Я проявил сообразительность и отказался от вина, тогда мне поднесли пиво в огромной пятигаллоновой кружке с двумя ручками. Я вежливо осушил ее, пока мы с губернатором обменивались любезностями, и в четверть десятого утра почувствовал себя изрядно захмелевшим, а впереди был еще целый день. Вечером наши хозяева сообщили, что со мной сыграли шутку: обычно там пили слабое, безалкогольное, не ударявшее в голову пиво, а я жепил крепкое, настоящее, и поэтому не помнил многого из того, что произошло в течение дня. Мне удалось без запинки прочитать заученную наи-

зуть речь на голландском и английском языках (возможно, потому, что среди моих слушателей не было настоящих голландцев), кроме того, я ни разу не споткнулся о свою шпагу, хотя однажды уселся на нее.

Для артиста, привыкшего работать по сценарию на сцене или в студии, восемь часов импровизации и непосредственного контакта с публикой стали настоящим открытием. Высокий частокол вокруг деревни словно отгородил ее от современного мира. Только посетители напоминали о XX веке, но после первого же часа они становились бесплотными, ярко одетыми призраками на фоне земной реальности XVII века. Конечно, в первый раз созданию такого эффекта способствовало выпитое пиво, но и в последующие годы, особенно когда посетителей было немного, неизменно возникало ощущение путешествия во времени. Густые запахи и звуки, доносившиеся из загона для коз и свиней, едкий пот деревенских жителей, их размеренная мелодичная речь, дымок, тянувшийся из труб, грубая ткань шерстяных и полотняных платьев, деревянная обшивка дома, стены, обмазанные глиной, рукоятки инструментов, отполированные рабочими руками, — все это превращало людей XX века в карикатуры. Их одежды были слишком легки для ненастной октябрьской погоды, голоса звучали, как птичий щебет, а ярко накрашенные лица женщин, даже с точки зрения довольно снисходительного члена Голландской реформатской церкви, делали их похожими на Иезавель. Даже фотоаппараты (по утверждению туристов, они могли мгновенно выдавать готовые снимки, в чем было выражено вежливое сомнение) казались безделушками, которые бог знает с какой целью носили представители давно вымершего племени, достойного скорее жалости, чем осуждения.

Сам я тоже был туристом, хотя и семнадцатого столетия, и в этом качестве мог вместе с другими посетителями дивиться на странные обычаи «браунистов». Когда меня спрашивали о сектантском характере вероисповедания жителей деревни, я, будучи «голландцем», мог честно отвечать, что ничего не знаю об их вере и этот вопрос меня мало интересует. Если посетители заставляли меня и одетого в старинный костюм Джереми Бэнгса, делающего пометки по-голландски в своей записной книжке, возле пушки, я говорил им (убедившись, что поблизости нет англичан), что, хотя английские пушки и находятся в лучшем состоянии, чем наши, голландские, в Новых Нидерландах, «ополченцы» Стэндиша являются всего-навсего фермерами и не могут как следует обращаться с оружием (ложь!). Но я не мог иначе, как с похвалой отзываться о бодрых и дисциплинированных жителях английской деревни, столь отличающихся от моих соотечественников, погрязших в пьянстве, распушенности и безбожии.

Я изъяснялся на английском языке с голландским акцентом, строя предложения в соответствии с синтаксисом XVII века, вставляя иногда странные голландские фразы. Временами я запутывался и ограничивался кивками и невнятным бормотанием. Когда язык у меня начинал совсем заплетаться, я брался за свою глиняную трубку, хотя вирджинский табак, который мне предлагали, был настолько груб и крепок, что от него мог задохнуться сам «мистер Мальборо», а однажды констебль сделал мне замечание за употребление крепких напитков в общественном месте. Чудные люди эти самые «браунисты» (кстати, они сильно обижались, когда их в шутку называли так).

Долой лютню!

Музей живой истории — вовсе не заповедная зона, по крайней мере там, где имеется домашний скот, особенно если этот домашний скот частично состоит из свиней размером с прогулочный автомобиль. Таким, во всяком случае, был местный боров. Обычно он довольно лениво исполнял свою роль подлинной свиньи XVII века, расположившейся в подлинном загоне того же периода. Но в одно прекрасное утро ему захотелось расширить свои горизонты. Он свалил соломенную загородку (я думаю, часть ее он просто съел), и перед первыми посетителями предстала забавная картина: жители всей деревней гонялись за задумчивым, волосатым, розово-коричневым бором, подобным автобусу «фольксваген», и дубасили его по спине и заду. Когда все вволю повеселились, боров, устав от шума, по собственной воле вернулся в свой разрушенный загон, чтобы отдохнуть там в тишине и покое. На следующий год во время приходского праздника мне сказали, что он играет главную роль в праздничном угощении. Я попросил вторую порцию не без угрызений совести.

В течение восьми лет я принимал участие в этих праздниках, и каждый чем-то отличался от остальных, поскольку в результате исследований уточнялись отдельные детали и изменялись многие наши представления — начиная от того, каким был покрой рукава и до тезиса в богословском диспуте. В один год произошла «дуэль» на шпагах между Стэндишем и моим адъютантом, неким Вольфертом Герритзенем, вспыльчивым ветераном голландских войн, который во время обеда сделал непристойное предложение жене капитана. На следующий год поединок не состоялся, так как его сочли затеей, слишком шумной для

степенных жителей общины. Вольфферта за его распутство скорее всего привлекли бы к суду магистрата, если бы до того Стэндиш просто не размозжил ему голову. Как-то раз на празднике звучала музыка в исполнении лютни и магнитофона, но на следующий год музыковеды Джон Кемп и Донна Кёртин уверили всех, что Пилигримы не пользовались никакими музыкальными инструментами, кроме барабана, который созывал ополченцев на сбор, а верующих на молитву. С тех пор псалмы пели без сопровождения, по псалтырям того времени. Мой скромный белый плюсовый воротник со временем превратился в огромное жабо, и голова стала походить на отсеченную голову Иоанна Крестителя на золоченом блюде.

Рядом с пышными нарядами голландцев даже лучшее платье губернатора выглядело скромно (мой модный камзол 1626 года контрастировал с вышедшей из моды и изрядно поношенной одеждой англичан времен Елизаветы или Иакова, в которой эти деревенские жители прибыли сюда в 1620 году), и у посетителей возникали разного рода вопросы, затем завязывалась дискуссия об относительном распределении богатств, изменениях моды, а также о том, что обе наши ветви протестантизма сурово осуждали суетность и тщеславие.

Просветительный отдел музея проводит выезды в школы и колледжи южных районов Новой Англии в те периоды, когда наплыв посетителей в самом музее не очень велик. Меня попросили помочь сотрудникам музея написать две короткие пьесы для одной из таких программ. В первой шла речь о судебном процессе над убийцей, способствовавшем началу «войны короля Филиппа», — восстанию индейцев вампаноаг под предводительством Метаккома в 1675–

1676 годах. Сюжетом второй было прибытие в колонию квакеров, к которым ее жители отнеслись с удивительной для того времени терпимостью, несмотря на то что те считались еретиками. Мне доставляло злорадное удовольствие видеть, как штатных сотрудников музея охватывал ужас перед выходом на сцену и они судорожно пытались вспомнить слова роли: теперь зрителем был я, а артистами — они!

Призраки или галлюцинация?

В тот год, когда я участвовал в празднике в последний раз, организаторы решили начать его на день раньше, чтобы иметь возможность показать прибытие голландцев на английский торговый пост, расположенный к югу от Плимута, у входа в залив Баззардз. Де Разер пришел на корабле из Манхаттана, бросил якорь вблизи поста, где его встретила делегация англичан. В 1627 году, чтобы попасть в деревню, нужно было в течение шести часов пробираться по лесным дорогам, но мой герой, то ли из-за своей подагры, то ли из высокомерия, а может быть, по обоим этим причинам, решил пересечь пешком только узкий перешеек Кейп-Кода и вышел к побережью залива Массачусетс. Там он настоял, чтобы его доставили к берегу на лодке. Архитектура торгового поста мало похожа на XVII век, к тому же расположен он рядом с оживленным современным перекрестком дорог. В полном облачении, с бряцаньем и скрипом мы высадились из нашего автобуса на стоянке, где было полно туристов. В сопровождении толпы мы двинулись через замусоренную площадку для пикников, затем по тропинке, шедшей параллельно каналу Кейп-Код, к укрытию, где стали ждать сигнала, чтобы начать торжественный выход (стараясь на споткнуться о банки

из-под кока-колы или пакеты от гамбургеров). Шестеро голландцев и их английский провожатый прохаживались, придерживая шляпы, чтобы их не сдул ветер (де Разер докуривал последнюю сигарету), когда около берега показался один из прогулочных катеров, бороздящих канал.

Мы могли слышать усиленный мегафоном голос экскурсовода: «А в 1620-е годы здесь, на Французском мысе, находилась фактория, основанная нашими Отцами-пилигримами и... черт побери, вот и они сами!» Катер едва не перевернулся, когда туристы с воплями хлынули на правый борт, махая нам руками. Но мы как будто сговорились – никто не сдвинулся с места и даже не пошевелился. Де Разер спрятал сигарету в обтянутой перчаткой руке, и только хлопал на ветру флаг Вест-индской компании. Что это? Призраки? Костюмированные скульптуры? Коллективная галлюцинация? Катер проплыл мимо; раздался сигнал к выходу. Но наша встреча с англичанами прошла без подъема после того, как мы случайно напомнили туристам, что прошлое Новой Англии живет бок о бок с настоящим.

В предыдущие годы переговоры между Брэдфордом и де Разером проходили довольно скучно: обсуждались сложные вопросы о правах торговли с индейцами, или праве на поселение, и все это излагалось официальным дипломатическим языком того времени. В 1627 году результатов достичь не удалось, так как обе стороны не имели необходимых полномочий от своих правительств. Предмет переговоров был очень серьезным. В 1625 году между англичанами и голландцами произошло столкновение в Ост-Индии, где голландский адмирал уничтожил английскую факторию на острове Амбоина, на который пре-

«Семейный обед», воссозданный в музее «Плимутская колония».

тендовали голландцы. Лен Траверс, исполнявший роль Брэдфорда, посчитал, что в свете этого инцидента нужно усилить напряженность переговоров, поэтому, когда мы встретились с англичанами, Стэндиш и его противник Герритзен были вооружены до зубов, а в дверях стоял на страже английский мушкетер с фитильным ружьем.

Конечно, мы не писали сценария нашего спора, а только договорились, что он обязательно должен произойти. И вот, после того как Брэдфорд в третий раз вежливо отказался даже рассматривать вопрос о предоставлении голландцам возможности вести торговлю к северу от реки Коннектикут, накаленная атмосфера взорвалась. Самым вкрадчивым голосом я напомнил ему о побоище на Амбоине и добавил: «В крайнем случае, досточтимый губернатор, я могу призвать сюда четыре боевых корабля, курсирующих сейчас возле Новых Нидерландов... А сколько кораблей имеете Вы?» Брэдфорд вскочил на

ноги, свалив со стола кружки, и проревел: «Что? Кажется, Вы мне угрожаете, сэръ»

Все сидящие за столом схватились за пистолеты и кинжалы. Кто-то бросил часовому запал для его мушкета. В дверях, подобно призраку, появился друг Брэдфорда, индеец Хоббамок (его роль блестяще исполнял Нанепашмет, настоящий индеец вампаноаг довольно устрашающего вида), держа в руках нож длиной с мою руку. Шум и волнение посетителей, толпящихся в доме и заглядывавших в окна, могли сравниться только с тревогой, которую испытывали мы с Леном. Боже милостивый, как нам выбраться из этой переделки? Испуганному воображению представились волосы, зубы и глазные яблоки, разбросанные по полу, а затем – неизвестная потомкам англо-голландская война 1627 года. Я всерьез опасался за свой плоский воротник.

Выход из положения нашел Поль Кринппс, изображавший Томаса

Пренса, члена совета. Он встал между нами и принялся увещевать нас, говоря о том, как возрадуется папа римский, узнав, что два брата-протестанта чуть было не закололи друг друга. Нам с Леном ничего не оставалось, как угрюмо пробормотать извинения и разойтись. Однако зрители продолжали гудеть, и только в конце дня я выяснил почему: все то время, пока Поль разглагольствовал о мире, он держал за спиной пистолет со взведенным курком.

Достоинства и недостатки представления

Если в тот раз мы и погрешили против исторической правды, то все же дали зрителям возможность понять, что Пилигримы были живыми, порой ошибающимися людьми, а не застывшими экспонатами за стеклом витрины мертвой (и мертвящей) истории. В таких представлениях от первого лица есть и достоинства, и недостатки: импровизация – рискованное дело, и как бы основательно ты ни подготовился, никогда не знаешь, какой вопрос может подняться во время жаркого диспута. Кроме того, всегда найдется несколько придирчивых посетителей, которые попытаются на чем-нибудь подловить тебя. В большинстве своем посетители-голландцы были славными ребятами и не возражали, когда я выпаливал по-голландски, что «по соображениям дипломатии» буду пользоваться английским языком. Но от одного назойливого голландца мне пришлось скрываться в свинарнике. Он преследовал меня даже там. Спас меня Джереми Бэнгс, проходивший мимо со своей неизменной записной книжкой. Несколькоими изысканными фразами по-голландски он поверг моего преследователя в изумление от того, что столь странный американский музей мо-

жет позволить себе иметь в штате настоящих голландцев. В тот вечер в местном баре слышали, как он говорил: «Да, но все же в этой стране никто не говорит по-голландски...»

Помимо героев важную роль в представлении играет контекст. И исполнители всегда стараются напомнить зрителям о том, что происходило за пределами частогокола. В 1627 году никакой войны между англичанами и голландцами не было, но их отношения были натянутыми, а ссора, случившаяся в доме Брэдфорда, помогла некоторым туристам вспомнить, что примерно тридцать лет спустя флот герцога Йоркского войдет в гавань Нового Амстердама. Потому-то я и имею возможность писать эти строки, не изучив голландского языка.

Вернемся к утверждениям, сделанным мною в начале статьи. Линкольн установил празднование Дня благодарения в 1864 году, стремясь хоть как-то объединить страну. Ноябрь был выбран потому, что к этому времени даже на самом крайнем юге урожай уже собран, а если в Новой Англии не успели управиться с урожаем к октябрю, то и благодарение воздавать не за что. За разъяснениями по другим вопросам советую обратиться в музей «Плимутская колония». Я до сих пор не могу понять, для чего позднейшие мифотворцы решили украсить шляпы Пилигримов лентами с пряжкой. Был ли это пояс целомудрия для мозгов? Поговорите с Каролиной Траверс или Ким Брейкер из научно-исследовательского отдела, поищите сведения о шляпах с пряжками в книгах великолепной библиотеки «Плимутской колонии», и когда вы почувствуете, что зашли в тупик, отправляйтесь в деревню... но упаси вас Боже подмигнуть жене Стэндиша! ■

Конфликт в Северной Ирландии и роль Музея народного быта в его разрешении

Алан Гейли
(Alan Gailey)

Музеи под открытым небом напоминают о прошлом и воспитывают уважение к нему. Некоторые из них пытаются сгладить имеющиеся в современном обществе противоречия. Таким является Ольстерский Музей народного быта и транспорта, расположенный недалеко от Белфаста. Автор данной статьи, д-р Гейли, возглавляющий музей с 1988 года, занимается изучением обычаев, связанных с временами года, а также этнологической картографией. Он — автор трудов Rural Houses of the North of Ireland и Irish Drama.

Североирландский Музей народного быта был основан в конце пятидесятих годов нашего столетия, когда страну захлестнула волна терроризма, направленная против закрепленного конституцией положения этой территории в составе Соединенного Королевства. Ко времени открытия Музея в 1964 году у многих людей сложилось мнение, что растет уважение к различным социально-политическим и религиозным взглядам. Однако начиная с 1969 года развитие Музея происходило в атмосфере межобщинной вражды, возобновившихся террористических акций, а также социальных преобразований. Согласно уставу Музея, он должен рассказывать об образе жизни, быте и традициях всех народов, населяющих Северную Ирландию, и, таким образом, способствовать воспитанию уважения друг к другу людей, которым он служит.

В XVII веке Ирландия принимает множество переселенцев из Британии — это была последняя по времени крупная волна иммиграции. Она способствовала возникновению социальной разнородности на севере Ирландии и оказала решающее воздействие на формирование нынешней ситуации. Вместе с ней в Ирландию пришла Реформация, однако дихотомическое разделение религии на католичество и протестантство таило в себе разногласие между прежней государственной англиканской церковью и кальвинистской пресвитерианской церковью, распространенной главным образом в Шотландии. В 1920-х годах шесть северо-восточных графств отошли по договору к Соединенному Королевству, а оставшаяся часть Ирландии получила независимость. Таким образом, на религиозные разногласия наложилось противоречие между национализмом и приверженностью английской короне. Сегрегация школьного обучения лишь

ухудшила ситуацию, поскольку каждая религия стремилась распространить свое влияние на область образования, придерживаясь различных подходов в изучении истории, галльского языка, и даже на детские игры. Ситуацию в этой экономической отсталой части страны осложняла дискриминация при поступлении на работу, при сдаче внаем муниципальной жилой площади. Стремление смягчить некоторые проблемы способствовало ускорению социальных перемен, но их ход был нарушен новой волной политического терроризма.

В Северной Ирландии растет понимание того, что ее социальные традиции присущи не только ей. Каждая из них имеет связи с соседними географическими областями: с остальной частью Ирландии, Британией, Западной Европой и Северной Америкой (вследствие широкой эмиграции туда в предыдущие десятилетия). Эти связи представляют собой идеологические предпосылки для того, чтобы североирландцы лучше узнали свои культурные корни. Однако существует слишком мало мест, где люди могли бы знакомиться с различными традициями и учиться уважать их, что отражает сегрегацию в отношении жилых зон и в обучении.

Десять процентов североирландских школьников

В тридцатые годы появилась идея организовать музей народного быта в рамках Муниципального музея в Белфасте, однако с началом второй мировой войны от нее отказались. Вернулись к ней лишь в пятидесятые годы. Соответствующий закон был принят в 1958 году. Тогда говорили, что постановление об Ольстерском Музее народного быта — это единственный пункт, не

© Ulster Folk and Transport Museum

Посетители музея рассматривают надгробные памятники, установленные в церковной ограде.

вызывающий политических разногласий.

В конце 1958 года попечители Музея начали набирать штат сотрудников и подыскивать подходящий участок. В двенадцати километрах от центра Белфаста был куплен небольшой особняк с 55 гектарами земли. По своей живописности и топографическому разнообразию эта местность прекрасно подходила для организации там музея под открытым небом. В июле 1964 года Музей принял первых посетителей. К тому времени силами небольшого кол-

лектива специалистов и технических сотрудников были развернуты экспозиции в перестроенном особняке, реконструирован традиционный ирландский дом и частично выполнена работа по монтажу литейной мастерской. Начался сбор предметов, характерных для местного быта, а также изучение обрядов и традиций.

Попечители решили, что с бытом местных жителей будут знакомить как экспозиции обычных залов в особняке, так и собственно музей под открытым небом. В основу показа должны были лечь результаты научных исследований, проводимых с целью создания историко-культурного хранилища для всего района.

В 1976 году открылись для посетителей залы с коллекциями, посвященными транспорту. В начале восьмидесятых к ним добавилась экспозиция материалов по народному быту. Она была развернута в одном из трех небольших зданий, построенных специально для Музея народного быта. Их современная архитектура контрастирует с народным характером построек музея под открытым небом.

Развитие музея под открытым небом происходит с учетом окружающей среды, а также социального и временного контекста. Каждая постройка вписывается в рамки всего ансамбля зданий, которые предполагается реконструировать, а иногда и воссоздать. Здания функционально связаны между собой, каждое из них является соответственно частью сельского или городского пейзажей, типичных для Северной Ирландии. Следовательно, подразумеваемые функциональные отношения между ними неизбежно включают их в контекст единого жизненного уклада. Музей под открытым небом иллюстрирует образ

жизни и традиции, бытовавшие в Северной Ирландии накануне первой мировой войны. Музей освещает и другие периоды, в том числе современный – для этой цели отведены обычные экспозиционные залы. И наконец, следует сказать, что созданная музейная среда должна использоваться для объяснения прошлого путем демонстрации изделий народных промыслов, сельскохозяйственных работ, праздников и обычаев, связанных с временами года.

Цель Музея – создать такую обстановку, в которой познание прошлого могло бы быть использовано в настоящем для воспитания взаимного уважения к разным культурным традициям, с тем чтобы в будущем североирландцы лучше знали самих себя. Осознавая, какую важную социальную роль может играть Музей в жизни местного населения, его сотрудники постоянно ведут просветительную работу. Каждый год Музей посещает 10 процентов североирландских школьников.

В начале семидесятых годов в качестве эксперимента в Музее проводились циклы занятий по ознакомлению школьников с отношениями в общине, основанные на местном культурном материале, не входящем в школьную программу. Особое внимание обращалось на общине для всех слоев общины аспекты культуры. Занятия пользовались большим успехом, поэтому вскоре в штат взяли несколько сотрудников – специалистов в области просветительной деятельности. Их усилия были в основном направлены на привлечение школьников в Музей, хотя продолжалась начатая еще в шестидесятые годы работа по просвещению взрослых, а также были организованы занятия по обучению текстильным ремеслам.

В конце восьмидесятых годов сотрудники просветительного сектора активно помогали школе в организационном плане и оказывали поддержку учителям, но не забывали и о занятиях для школьников, поскольку известно, как благотворно они влияют на развитие отношений в общине в целом. Вместе с тем стало ясно, что следует изменить структуру в системе образования, чтобы смягчить социальные последствия сегрегации школьного обучения.

Отношения в общине и структурные перемены

Неожиданно в социальной среде, в которой работал Музей, произошли перемены, вызванные новым учебным планом, принятым для всех школ на территории Соединенного Королевства. С учетом местных условий в программу школ в Северной Ирландии, наряду с основными предметами, такими, как языки, история и география, ввели преподавание некоторых факультативных курсов, включая «Культурное наследие» и «Образование для взаимопонимания».

Эти факультативные курсы подтверждают ту мысль, что к вопросам отношений в общине следует подходить со структурных позиций. Дискуссии, проводившиеся в 1988–1989 годах среди представителей местной администрации, разных социальных групп, учебных заведений и учреждений культуры, касались в основном культурного наследия и социальных отношений в общине. Росло осознание того факта, что культурный опыт Северной Ирландии содержит как общие для всего народа компоненты (например, детали повседневной жизни), так и элементы, разделяющие общины (такие, как религия, отношение к галльскому языку, политические ус-

тановки). Чтобы добиться понимания неделимости единства и многообразия, требовалось создать новые структуры и программы. Сейчас существует Совет общинных отношений, финансируемый правительством, но не зависящий от него. Консультирует Совет Группа культурных традиций.

Председатель совета попечителей Музея и его директор принимали активное участие в дискуссиях, приведших к созданию Группы культурных традиций, в которой они теперь работают. Признание успехов просветительной деятельности в области общинных отношений выразилось в том, что руководитель просветительного сектора Музея был приглашен в качестве консультанта по вопросам содержания факультативного курса «Культурное наследие». Группу консультантов нового курса истории возглавил председатель совета попечителей. Это также свидетельствует о признании заслуг Музея в столь важной политической области.

Скромный успех

С самых первых лет своей работы Музей проявлял особое внимание к культурным традициям общин, проживающих поблизости. Относящиеся к 1965 году предложения о создании музея под открытым небом содержали пункт о включении в комплекс нескольких церквей самых распространенных в Северной Ирландии конфессий. Здание англиканской церкви было закончено к началу восьмидесятых годов. Вторая церковь, римско-католическая, вскоре также откроется для посещения. Жилье для причта расположено рядом с церковью. Чтобы эти здания стали ближе населению, было решено соответствующим образом оформить их интерьеры, а снаружи, в церковной ограде, уста-

© Ulster Folk and Transport Museum

Задняя часть фермы в сельском разделе музея.

новить несколько надгробных памятников с именами, напоминающими о родственных связях жителей общины.

Таким образом, в Музее в различных по своему характеру экспозициях проявляются всем известные, но весьма тонкие различия в культуре и обиходе религиозных общин, отражающие социальную реальность Северной Ирландии. Знакомство с традициями иных социальных групп, происходящее вне границ Музея, бывает сопряжено с психологической (и даже физической) опасностью. Музей является «нейтральной» территорией, где подобные социальные открытия не связаны с риском.

По большей части знакомство с иными традициями происходит не преднамеренно, а попутно, в процессе осмотра Музея. А так как его посещение часто бывает семейным мероприятием, имеющим скорее развлекательную, а не образовательную цель, то уместно включить в программу дидактический элемент. В цокольном помещении католической приходской церкви музея под открытым небом создается экспозиционный зал. Там будут представлены экспонаты, отражающие все разнообразие религиозных традиций Северной Ирландии. Если реконструированные церковные зда-

ния знакомят с жизнью страны и социально-религиозными отношениями, сложившимися к 1900 году, то истоки этих традиций и их развитие до настоящего времени предполагается представить в обычной музейной экспозиции. Финансирование этого проекта осуществляется в рамках программ «Культурное наследие» и «Образование для взаимопонимания».

Подобный подход был принят и при организации выставок в помещениях собственно музея под открытым небом. Объединяющая тема «братства» как явления социальной организации демонстрирует неразрывность ритуала и символизма. Оно служило основой средневековых ремесленных гильдий многих стран и сегодня объединяет население Северной Ирландии в различные политические, религиозные и антиалкогольные ассоциации. Такова была тема выставки 1988 года, на которой впервые собрали вместе парадные знамена и регалии организаций, враждебных друг другу в политическом и, главным образом, религиозном отношении, таких, как Древний орден ирландцев (Ancient Order of Hibernians) и Оранжевый орден (Orange Order). Все происходило в мирной обстановке, на нейтральной территории. Посетители выставки, представлявшие все слои северо-ирландского общест-

ва, отмечали, что, познакомившись с разнообразием предметов повседневной жизни, они в первый раз осознали лежащее в его основе единство культуры. В том же ключе была задумана выставка 1990 года на тему *1690-й год: фольклор войны*, давшая современную трактовку Вильямитским войнам конца XVII века. Она пользовалась таким же негромким успехом. Подобный подход к проблемам единства и разнообразия культур был продемонстрирован на выставке 1991 года на тему *Брак и семья*.

Продолжительный контакт

Еще один аспект социальных возможностей Музея связан с экспериментом, начатым в семидесятые годы, а именно – циклом занятий по ознакомлению школьников с отношениями в общине, о которых шла речь выше. По программе школьники должны были несколько дней поработать в музее над предметами местной материальной культуры. Чтобы не терять времени на ежедневную дорогу туда и обратно, школьникам лучше было оставаться в Музее на ночь. К тому же сами ребята обнаружили, как много дает им в плане культуры такое продолжительное общение друг с другом во внеклассное время. Поэтому в план развития на 1973 год было включено предложение предусмотреть на территории Музея помещения для школьников. Сейчас группы школьников до тридцати человек вместе с учителями могут размещаться в домах заводских рабочих, привезенных из Белфаста и расположенных в городской части музея под открытым небом. «Гостиница» для детей открылась в апреле 1990 года. Следующим шагом станет создание возможности для учащихся сегрегированных школ вместе поработать в Музее по общим программам «Культурное

наследие» и «Образование для взаимопонимания», живя в музее. Музей стремится предоставить своим юным обитателям все современные удобства таким образом, чтобы не нарушать впечатления целостности ансамбля у всех остальных посетителей. Финансирование этого новаторского проекта осуществляется за счет средств, выделенных правительством на организацию новых образовательных факультативных курсов. Опыт прошлых экспериментов помог Музею правильно использовать возможности, открывшиеся благодаря структурным сдвигам, происходящим вне сферы его влияния.

Социальная задача, стоящая перед Музеем, связана с осмыслением и истолкованием происхождения культурных особенностей (в разных социальных, политических, религиозных и географических планах), присущих населению Северной Ирландии или приписываемых ему. Это может быть самобытность человека по отношению к своей семье, или семьи по отношению к соседям в деревне, если они исповедуют социальные, политические или религиозные взгляды, отличные от доминирующих в данной местности или в данный исторический период. Северная Ирландия – не единственная страна, перед которой стоит задача сохранить одновременно и культурное разнообразие, и единство. И если подходы, описанные в данной статье, оказались столь плодотворными в Северной Ирландии, то они могут сыграть положительную роль в решении проблем межобщинных отношений и в других странах.

Заинтересованные читатели могут написать автору статьи по адресу: Dr Alan Gailey, Director, Ulster Folk and Transport Museum, Cultra Holywood BT18 OEU, County Down, Northern Ireland. ■

КИЖИ НУЖНЫ ВСЕМ

Борис Гуцин, Виола Гуцина

Предлагаемая вниманию читателей статья, рассказывающая о Государственном историко-архитектурном и этнографическом музее-заповеднике «Кижжи», написана его научными сотрудниками, создателями ряда музейных экспозиций, авторами отдельных изданий и статей, посвященных музею «Кижжи», памятникам деревянного зодчества и народному искусству русского Севера.

В шестидесяти километрах от города Петрозаводска, на севере сурового Онежского озера, среди живописных шхер, расположен маленький остров Кижжи. Этот остров, один из 1650 на Онежском озере, известен во всем мире своим уникальным архитектурным ансамблем.

История Кижей уходит далеко вглубь веков. Некогда здесь совершались языческие обряды (в переводе с местного вепско-карельского наречия слово «кйжат» означает «йгрища»). Предками современных кижан были русские переселенцы из Великого Новгорода. Северный край привлекал энергичных, предприимчивых новгородцев обилием пушных зверей в дремучих лесах и многочисленными озерами, богатыми рыбой. В X–XI веках они начали осваивать земли, заселенные финно-угорскими племенами. По берегам рек и озер появились небольшие деревеньки, которые группировались вокруг православных храмов, стали создаваться северные погосты – общественные центры, впоследствии превратившиеся в крупные территориально-административные округа.

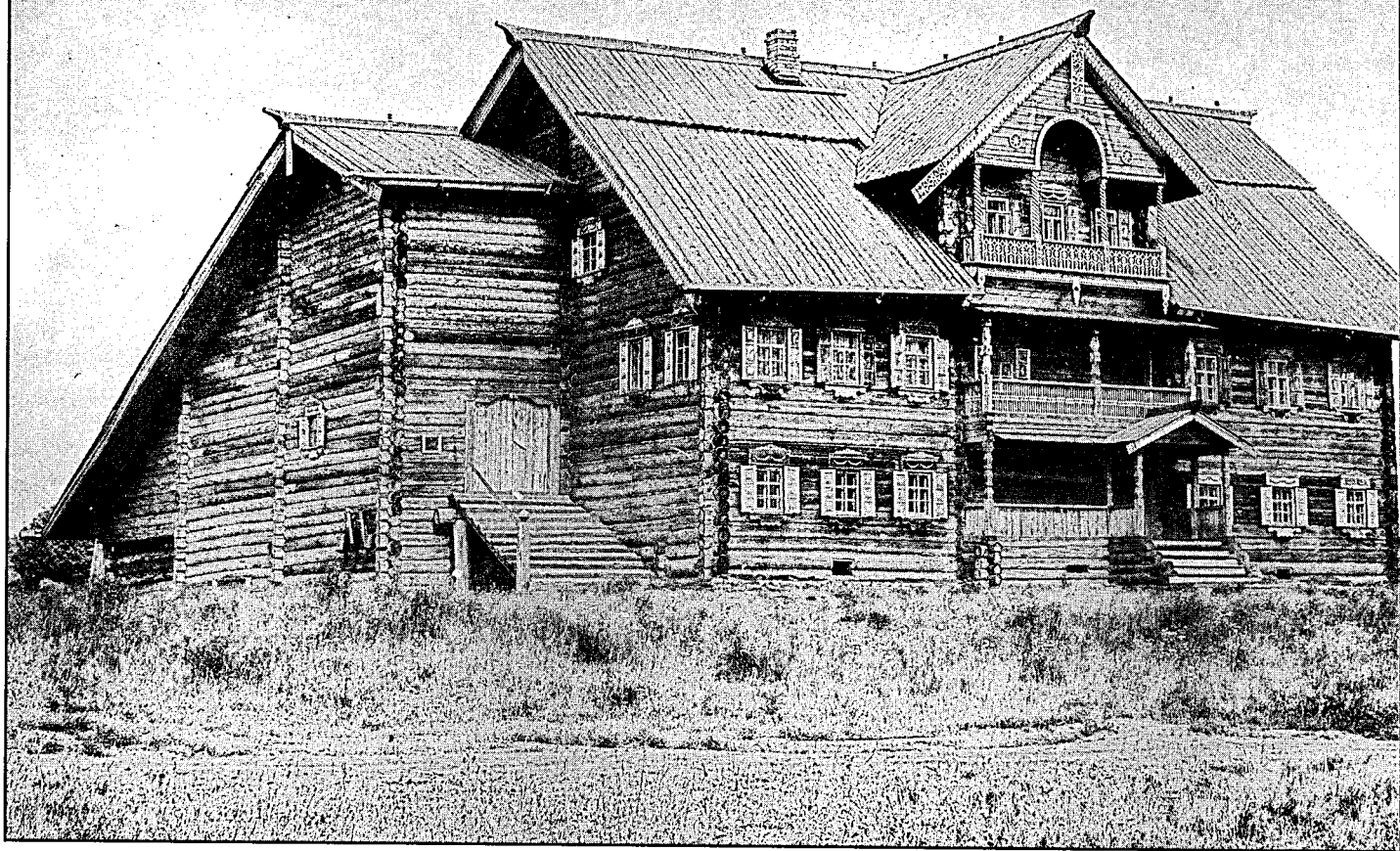
Кижский ансамбль

Впервые Спасский Кижский погост с двумя деревянными церквями упоминается в Писцовой книге 1496 года. Известно, что обе церкви в то время были с шатровыми завершениями. Рядом с ними стояла и шатровая колокольня. По соседству с древними церквями располагались маленькие деревеньки в один–два дома, что было характерно для Заонежья XVI века. Небольшие участки земли, пригодные для возделывания, обрабатывались силами одной большой патриархальной семьи (в отдельных семьях было до 25–30 человек). Из древних деревень острова две – Ямка и Васильево – сохранились до наших дней.

В конце XVII века кижские церкви сгорели от удара молнии, и сразу же на месте пожарища стали возводить новые. Первой была срублена зимняя Покровская церковь, претерпевшая на протяжении долгой жизни значительные переделки и получившая свое окончательное десятиглавое завершение к середине XVIII века. Она несет в себе яркие черты самобытных шатровых церквей XVI–XVIII веков, которых немало на территориях, примыкающих к Онежскому бассейну.

Но не Покровской церкви была уготована главная роль в будущем архитектурном комплексе. Сразу же, уверенно и навсегда утвердила свое первенство появившаяся в 1714 году торжественная двадцатидвухглавая Преображенская церковь, предназначенная для проведения богослужений в летнее время (ее предшественницей считается восемнадцатиглавая Покровская церковь, построенная в 1708 году в селе Анхимово, на южном побережье Онежского озера, и сгоревшая в 1963 году). Именно в Преображенской церкви с наибольшей полнотой воплотились традиции северных плотников, крестьянский идеал красоты, рожденный в повседневном труде и неразрывной связи с природой и деревенским привычным бытом. Вполне вероятно, что последующие переделки Покровской церкви в десятиглавую были связаны с поисками единого ансамблевого решения. Колокольня Кижского погоста была построена в 1862 году на месте обветшавшей старой и перестроена в 1874 году.

В интерьере Преображенской церкви сохранился резной четырехъярусный иконостас в стиле барокко, который состоит из 102 икон XVII–XVIII веков. В настоящее время в связи с проведением противоаварийных работ иконостас демонтирован и находится в фондах музея.

В иконостасе Покровской церкви представлены иконы XVI–XIX веков.

Кижский архитектурный ансамбль создавался на протяжении почти 180 лет трудами мастеров разных поколений. Плодом их длительных творческих поисков стал шедевр русского деревянного зодчества, получивший признание далеко за пределами Карелии. Отголоски язычества, праздничность православия, суровый аскетизм старообрядчества, явно улавливаемый намек на барокко, дыхание культуры соседних народов (карел и вепсов), многовековой опыт и талант русских зодчих – все это запечатлелось в архитектуре Кижского ансамбля.

Музей-заповедник

Не случайно в 1951 году именно на кижской земле, где находится один из самых замечательных памятников русской архитектуры, начал формироваться музей под открытым небом, получивший в 1966 году статус Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижь». Не следует забывать и о том, что русское искусство вообще многим обязано Кижам: Россия помнит имена та-

лантливых кижских крестьян – хранителей былин, создателей сказок, песен и плачей. К тому же по окрестным островам и берегам разбросано немало памятников деревянного зодчества.

Сейчас на небольшом пространстве острова представлены церкви, часовни, дома, бани, амбары из разных районов Карелии, хотя бы частично создающие тот фон, который сопутствовал Кижам в прошлом. Музей ставит перед собой задачу воссоздать и старинные деревни в округе острова, чтобы максимально приблизить посетителя к старинной крестьянской архитектуре.

Любой крестьянский дом в Кижях свидетельствует о том, что каждая вещь, сделанная крестьянскими руками, не только полезна, но и красива. Когда-то в этих домах шла размеренная жизнь с ее заботами, тревогами, радостями и печалью. Многотрудный быт крестьянина и его постоянное стремление к красоте оставили отпечаток на внутренней обстановке дома, где примитивные орудия труда соседствуют с великолепными образцами народного искусства. Единство утилитарного и эстетического пронизывает все крестьянское искусство.

Дом крестьянина Сергина. Восьмидесятые – девяностые годы XIX века.

Крестьянское жилище на русском Севере – это чаще всего дом-комплекс, в котором жилье и хозяйственные помещения объединены под общей крышей. В северных условиях такая планировка позволяла выполнять большую часть работ по дому, не выходя за его пределы. Сейчас в ряде домов восстановлены интерьеры, в других организованы этнографические выставки.

Крестьянские постройки сгруппированы на острове в архитектурно-этнографические секторы, отражающие особенности различных регионов Карелии.

В Кижях находится один из древнейших памятников русского деревянного зодчества – церковь Воскрешения Лазаря (вторая половина XIV века), перевезенная с территории Муромского монастыря, расположенного на юго-восточном побережье Онежского озера. Церковь эту можно назвать архитектурной миниатюрой, столь малы ее размеры и изящны простые формы. Церковь Воскрешения Лазаря помогает проследить, как росло мастерство зодчих, – от простейшей клетки до многоглавой композиции Кижского ансамбля.

На своих родных местах стоят часовни «Кижского ожерелья», живописно разбросанные в деревнях вокруг Кижей (Корба, Воробьи, Волкостров, Подъельники, Еглово) и на самом острове (Васильево). Часовни тесно связаны с пейзажем: одни из них сливаются с древними языческими рощами, другие являются центром деревень, третьи – своеобразными маяками на берегу озера.

Музей-заповедник «Кижь» стремится решать целый комплекс сложных проблем, связанных не только с памятниками архитектуры, но и с уникальной природой, хозяйственной деятельностью, туристскими пото-

ками, сохранением крестьянской духовной культуры. Однако главной задачей в Кижях всегда останется сохранение уникальных памятников архитектуры.

12 декабря 1990 года Кижский архитектурный ансамбль был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Как печальный парадокс вспоминается сейчас документ Кижского воллисполкома от 1 января 1919 года. «Волостной исполком доводит до сведения, что в пределах Кижской волости памятников старины не имеется». К счастью, это не помешало взять в 1920 году Кижский архитектурный ансамбль под государственную охрану. В дальнейшем государство и общество не обходили своими заботами кижские церкви, хотя этого оказалось явно не достаточно.

В 1926 году под руководством академика И. Э. Грабаря памятники кижского острова были зарегистрированы и натурно обмерены. Детальные обмеры Преображенской церкви были выполнены в 1940 году архитектором Л. М. Лисенко.

Начиная с 1948 года на территории Кижского погоста проводились ремонтно-реставрационные работы, которые в 1949 году возглавил архитектор А. В. Ополовников. Одновременно велись работы и по реставрации иконостасов. Обновленные церкви встретили первых туристов в середине 1950-х годов.

Как спасти Кижь?

Сейчас, в конце XX века, можно отрицательно оценивать отдельные моменты реставрации прошлых лет, в частности отсутствие сопутствующих консервационных работ и почти полное устаревание поздних наслоений. Но надо признать, что активное вмешательство реставрато-

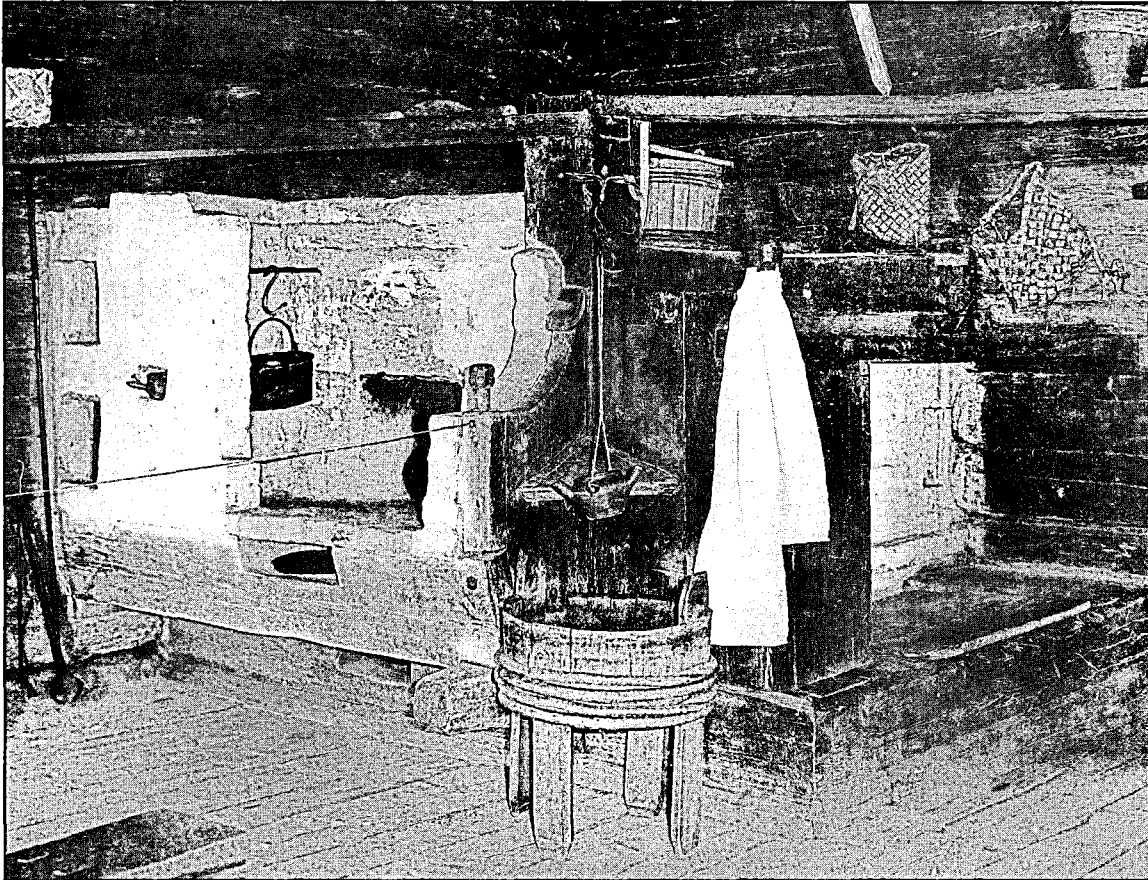

Фото: Михаил Федоров

*Дом
крестьянина
Елизарова.
Фрагмент
интерьера.*

ров в конце 1940-х годов в судьбу кижского архитектурного комплекса привлекло к проблемам Кижей широкое внимание специалистов и общественности.

Спасение кижских памятников стало делом ученых разных специальностей: архитекторов, реставраторов, конструкторов, древесиноведов, химиков. Но цеховые интересы ученых диктуют радикальные меры одностороннего порядка: инженеры укрепляют конструкцию металлом, что вызывает необратимые нарушения подлинных элементов уникального объекта; древесиноведы исследуют плотность древесины с помощью многочисленных выстрелов из малокалиберной винтовки... Естественная реакция общественности и ученых других областей науки — возмущение и протест.

На наш взгляд, прежде всего необходимо договориться о том, что допустимо в отношении кижских объектов, а что — нет.

Допустима ли полная переборка с заменой почти половины древеси-

ны, но с сохранением архитектурно-художественной характеристики памятников? Допустима ли полная химическая консервация древесины с изменением свойств материала? Насколько допустимо введение чужеродных конструкций в интерьер и экстерьер памятников, изменяющее художественный образ церквей?

Жертвы неизбежны, но какие? Сейчас их может быть гораздо меньше, чем через десять, двадцать, тридцать лет. Основой такой договоренности могут послужить Венецианская хартия и рекомендации рабочего совещания ИКОМОС по Преображенской церкви, состоявшегося в Петрозаводске и Кижях в сентябре 1988 года. Кижские проблемы сможет разрешить только сотрудничество ученых различных специальностей. Причем, координацию их деятельности должен принять на себя ИКОМОС.

Кижы существуют не только для специалистов — они нужны всем, потому что, познавая величие своего прошлого, люди обретают веру в будущее. ■

Всемогущее время

Анна Майничева

Как можно собрать на одной территории образцы народной архитектуры, принадлежащие разным этническим группам и относящиеся к различным историческим периодам? Следует ли оставлять памятники архитектуры на месте их постройки или их можно перевозить в музей под открытым небом? Что делать, если деревянные постройки, для сохранения которых применялись токсичные способы, сами стали источником опасности? Как быть, если в музее под открытым небом, где собраны памятники деревянной архитектуры, не хватает квалифицированных, получивших специальную подготовку плотников-реставраторов? Что делать музею, если он не располагает специальным штатом экскурсоводов? Вот некоторые из проблем, рассматриваемых в данной статье. Ее автор является главным архитектором Историко-архитектурного музея в Новосибирске.

Сохранение культурного наследия Сибири является серьезной проблемой. Неотвратимый ход времени, социальные преобразования, стихия – все грозит гибелью таким замечательным, но недолговечным сооружениям, как памятники деревянного зодчества. Затерянные на бескрайних просторах Сибири, расположенные зачастую в покинутых селениях, они обречены. Задача состоит в том, чтобы вернуть их в культурную среду, создать условия для многостороннего взаимодействия людей и архитектуры, мира современных людей и предметного мира прошлых эпох. Общественность столкнулась с тем, что безвозвратно утрачиваются не только и не столько мастерство, ремесла, вековые плотничьи приемы – утрачивается связь времен, уходят в небытие традиции и память народа. К сожалению, можно констатировать, что сибиряки наших дней в большинстве своем не знакомы ни с архитектурой, ни с костюмом, ни с бытом Сибири прошлого.

Ликвидация этого пробела в образовании и мироощущении стала одной из задач находящегося в Новосибирске Историко-архитектурного музея – структурной единицы Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Предпосылок для создания такого музея – по существу музея под открытым небом, где представлены памятники деревянного зодчества, – достаточно много. Новосибирск – крупный промышленный и культурный центр, место пересечения основных туристических путей Сибири. Сибирское отделение Российской академии наук является научной базой в изучении истории Сибири.

Создание такого музея – нелегкое дело. Его теоретической основой стали первые экспедиции по выявлению памятников деревянного зод-

чества Сибири, публикации доктора архитектуры Е. А. Ащепкова (пятидесятые годы) и последующие экспедиции под руководством академика А. П. Окладникова (семидесятые годы), который и явился фактическим основателем Музея. Музей задумывался как всесибирский, в его экспозиции должны были быть представлены деревянные постройки всех народов Сибири. Зонирование Музея было сделано по территориальному признаку – выделялись зоны Западной и Восточной Сибири. Но при попытке реализации этой заманчивой идеи возникли серьезные затруднения, одно из них – недостаток площади.

Сибирь многонациональна, ее архитектура представляет собой конгломерат стилей и форм; это многообразие невозможно отразить на небольшом участке в 46 гектаров, из которых пригодны для застройки лишь 25. Поэтому в настоящее время мы придерживаемся несколько иной концепции развития Музея.

Первое направление – организация относительно автономной зоны исторического ядра, где находятся уже восстановленные памятники деревянного зодчества. Принципом объединения памятников этой зоны послужил типологический признак формы культурного освоения Сибири. В ее состав входят археологический комплекс, на примере которого представлены древние культуры Сибири; Зашиверский и Казымский остроги¹ – как острожная форма освоения Сибири русскими, бытовавшая в XVII–XVIII веках, и сложившаяся к XIX веку усадебная форма – усадьба сибирского крестьянина.

Второе направление – создание этнографических зон Западной и Восточной Сибири, где будут представлены некоторые деревянные постройки народов Сибири, характер-

ные для данных регионов в конце XIX–начале XX века. В случае невозможности вывоза построек будет использована методика их тщательного изучения, архитектурного обмера и воссоздания копии здания на территории Музея. В экспозиционных павильонах предполагается выставить макеты и реконструкции различных сооружений, что даст более полное представление об архитектуре Сибири.

Сохранение *in situ*?

Итак, принципом формирования Музея стала необходимость перевозки на его территорию будущих экспонатов – деревянных сооружений народов Сибири. Конечно, сейчас существует множество теорий по организации музеев под открытым небом, исключаящих вывоз памятников с мест их постройки. Можно согласиться с их авторами в том, что логичнее и лучше сохранять памятники *in situ*, среди их привычного окружения, а вокруг них создавать охранные и обслуживающие зоны, организовывать к ним туристские маршруты. Но все-таки бывают случаи, когда очень трудно создавать музеи на местах, да и просто поддерживать памятник в должном состоянии, не допускать его разрушения.

В качестве примера можно привести постройки, собранные в настоящее время на территории Музея.

Это поистине уникальные сооружения – Спасо-Преображенская церковь XVII века из Зашиверска, города, оставленного жителями еще в XIX веке; Казымский острог XVIII века с реки Казым – памятник оборонного зодчества, построенный среди болот Тюменской области. Оба сооружения требовалось вывезти из районов, где они находились, по разным причинам, но глав-

ной была невозможность сохранить памятники и поддерживать их состояние на должном уровне из-за затерянности, удаленности их от культурных центров, да и просто от мест проживания людей. Любой лесной пожар, неосторожность или злой умысел случайных людей привели бы к гибели этих замечательных образцов архитектуры прошлого. Хотя датируемая XIX веком усадьба сибиряков-старожилов и не несет на себе такого флера романтизма, как остроги, она по-своему уникальна, так как располагалась в зоне затопления Илимской ГЭС, а в настоящее время эта территория находится на дне водохранилища.

Кроме того, появился еще один аспект в проблеме сохранения памятников деревянного зодчества, не учтенный инициаторами создания Музея. Новосибирск интенсивно застраивается, так как жилищная проблема стоит по-прежнему остро. Малоэтажные деревянные здания все больше вытесняются из структуры города, часто очень интересные образцы городской архитектуры начала XX века подлежат сносу. Те же, что обществу охраны памятников удастся спасти от сноса, обречены на медленное разрушение, поскольку люди, некогда жившие в них, переехали в новые благоустроенные квартиры.

При отсутствии других возможностей как одну из мер, пусть крайних, но способствующих сохранению таких зданий, можно назвать их вывоз на территорию Музея с целью постепенного формирования своеобразной городской улочки. Рядом с этой улочкой хорошо бы было разместить специально спроектированный гостиничный комплекс.

Такой идее весьма способствует то, что Музей находится в экологически чистой зоне, в четырех километрах от научного центра Новосибирска –

Академгородка, среди лесных массивов, на берегах протекающей там речушки. Удаленность от городских промышленных зон и оживленных транспортных магистралей, от шума и загрязнения, обеспечивает создание благоприятных условий для организации парка, где человек чувствует свое единство с природой и архитектурой. Такое расположение Музея имеет немаловажное значение и для сохранения самих памятников деревянного зодчества, не подвергающихся воздействию химических выбросов или вибрации.

В нашем случае мы сталкиваемся с другой сложностью — для сохранения конструкций самих зданий использовались антипирены и химические вещества, защищающие от гниения и древоточцев, поэтому в самих зданиях не рекомендуется долго находиться, то есть мы стоим перед проблемой поиска и применения нетоксичных способов защиты древесины, чтобы сами памятники не стали источником опасности для окружающей среды. Удаление от основных коммуникационных систем порождает некоторые трудно-

Спасо-Преображенская церковь XVII века из города Зашиверска, перевезенная в Музей.

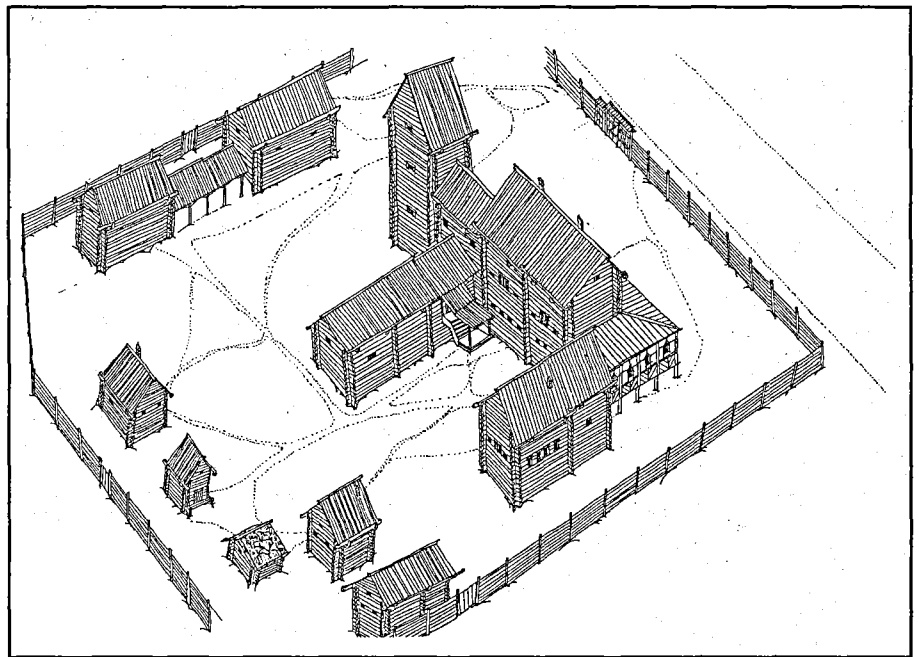
сти с организацией водоснабжения, канализации и телефонной связи, так как необходимы нестандартные решения.

Отзывы посетителей

Музей не имеет специального штата экскурсоводов, экскурсии проводятся его научными сотрудниками и архитекторами Музея. Лето для нас самое напряженное время, когда мы принимаем больше всего посетителей. Но обо всех трудностях забываешь, когда слышишь слова благодарности наших гостей. Некоторые из них впервые познакомились с сибирской архитектурой, иные не ожидали увидеть в Новосибирске, промышленном центре с массой недостатков и проблем большого города, тихий, уединенный, своеобразный и очень человечный уголок. При знакомстве с этнографическими коллекциями и памятниками архитектуры наши земляки часто обнаруживают полное невежество, но, к нашей радости, стремятся преодолеть его, задавая многочисленные вопросы. Надеюсь, что знакомство с нашим Музеем затрагивает сокровенные струны души, пробуждая интерес и уважение к культуре и быту народов Сибири разных эпох. Без преувеличения можно сказать, что для многих наш родной край – Сибирь – terra incognita, знакомство с ней вызывает неподдельный интерес и удивление. Хотелось бы привести некоторые высказывания наших гостей.

С Вашей стороны было очень любезно показать мне музей под открытым небом. Метод строительства всех этих древних сооружений из деревянных бревен поистине уникален.

А. Джоши, Индия.
Осень 1990 года

Фотография предоставлена автором

*Дом воеводы, 1640 год, Нарымский край
(реконструкция на основе документов, хранящихся в
Сибирском отделении Государственного архива).*

Это очень интересный музей, мне понравились церковь и колокольня, я облазил весь острог, заглянул под баню и забрался на бревна, из которых будет строиться изба.

Дима, 10 лет

Как мало, оказывается, мы знаем об истории Сибири. В нашей повседневной жизни мы далеки от этого. Благодарим за интересный рассказ.

Инженеры Института
прикладной физики
Академии наук СССР

Кроме уже упомянутых проблем, с которыми сталкивается Музей, можно назвать трудности с подбором кадров. Мы постоянно испытываем недостаток в квалифицированных плотниках, так как в настоящее время в стране не существует учебных заведений, специализирующихся на подготовке плотников-реставраторов. Ряд проблем относится к финансовой сфере. Это в первую очередь сокращение бюджетного финансирования работ по Музею и необходимость поиска других источников финансирования, а также

рост цен на строительные материалы и транспорт.

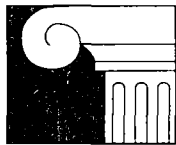
Наряду с решением этих насущных проблем в задачи Музея входит проведение исследований, связанных с материальной и духовной культурой народов Сибири, публикация результатов обследований регионов Сибири, организация выставок, лекций, работа со студентами и школьниками, консультационная помощь в проведении народных праздников и фестивалей, изучение и развитие ремесел, международные контакты.

Вся эта работа нацелена на то, чтобы противостоять всеильному, всеразрушающему Хроносу, сконцентрировать усилия, привлечь новые силы для решения наиболее важных вопросов в области культуры и сохранения национального достоинства. ■

Примечание

1. Острог – укрепленное поселение, крепость. Впоследствии приобрело значение «тюрьма».

Город и его музеи

Город-музей Гирокастра

Эмин Риза
(Emin Riza)

Албанский народ – один из самых древних в Европе; за свою многовековую историю он сумел создать бесценное художественное наследие. Замечательные архитектурные сооружения – подчас подлинные шедевры, представляющие огромную историческую и художественную ценность, – играли важную роль в жизни народа. Сохранились свидетельства прошлого за огромный период – начиная с доисторических времен и до наших дней; благодаря серьезным исследованиям и при поддержке со стороны различных государственных организаций удалось многое открыть и должным образом показать. Перед человеком – будь то исследователь или случайный приезжий – предстает богатая картина жизни страны. Сохранившиеся повсюду в Албании (в горах и на равнинах, в городах и селах) крепости, городские здания, постройки, имеющие культурное или художественное значение, или просто жилые дома – все это важные памятники истории народа, крепко привязанного к земле, которую он защищал на протяжении столетий.

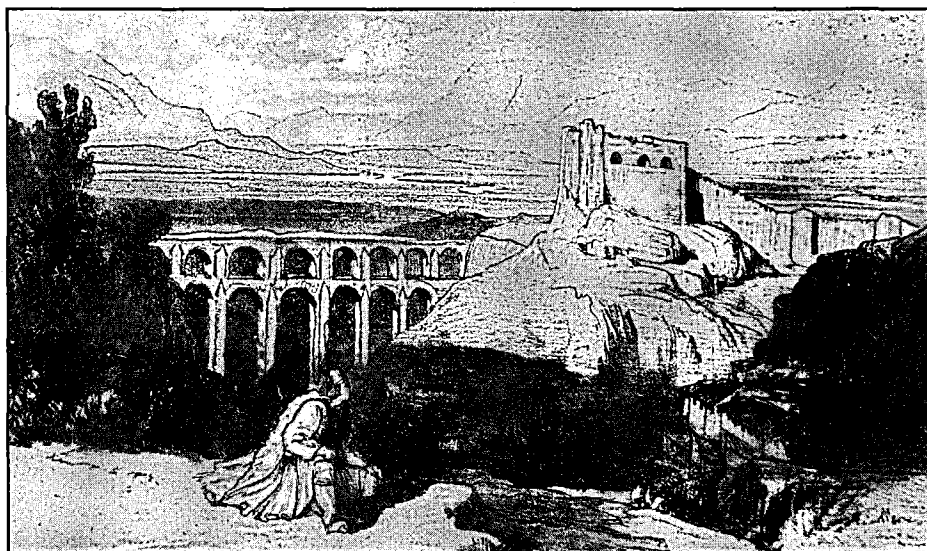
Некоторые города получают от государства статус исторического памятника. К числу таких городов-музеев относятся Гирокастра и Берат. В них хорошо сохранилась планировка и архитектурные сооружения, что делает их уникальным воплощением конкретного периода истории. По сравнению с единичным историческим памятником у города-музея есть то неоспоримое преимущество, что город предстает как живой организм. Старые постройки не выглядят здесь вкраплениями в чуждое им окружение. Напротив, город-музей – это живое целое, в нем сохраняется сама атмосфера той среды, в которой он вырос и сформировался. Таким

образом, город-музей является наглядным примером того, как продолжающая существовать часть прошлого оказывает непосредственное и сильное воздействие и на приезжих, и на местных жителей, поскольку они встречаются с исключительным разнообразием построек и структур в том виде, в каком их некогда спроектировали и построили.

Город-музей Гирокастра – замечательный памятник албанской архитектуры. Он расположен в скалистой, с крутыми берегами долине реки Дрино. Холм увенчан мощной крепостью, построенной во второй половине XIII века. Она являлась ядром первоначального поселения, которое уже в начале XIV века в связи с ростом числа жителей вышло за пределы городских стен. В 1419 году (это была эпоха владычества Османской империи) Гирокастра стала главным городом албанской провинции, в то время одного из основных административных округов, где находилась и резиденция паши. После периода определенного застоя, в основном из-за волнений, продолжавшихся с перерывами на протяжении всего XVI века, в XVII веке город вновь начал развиваться и значительно вырос. XVIII–XIX века были периодом наивысшего расцвета Гирокастры, когда она и приобрела облик, сохранившийся до наших дней.

Планировка города в значительной мере определялась особенностями участка земли, на котором возводилась крепость. Именно поэтому у каждого его квартала – свой стиль, хотя в целом создается ощущение единства, и прежде всего там, где решенные в одном архитектурном стиле постройки прекрасно вписываются в окру-

Крепость и акведук. Гравюра XIX века.

жающий пейзаж. В других же местах, иногда совсем рядом, дома находятся на значительном расстоянии друг от друга, а все вместе придает городу динамичный облик. Путник, устало бредущий по мощеным улицам, бесконечно извивающимся то вверх, то вниз, бывает вознагражден живописными и постоянно меняющимися видами, один прекраснее другого. Господствуют над всем высокие отвесные каменные стены с их укреплениями.

Самой впечатляющей постройкой является крепость, расположенная на юго-восточном склоне горы. Очертания ее стен с многочисленными башнями повторяют неровные контуры горы. Строительство крепости началось в XIII веке и продолжалось примерно до 1810 года, когда правил могущественный визирь Али-Паша Тепленский. При нем был построен акведук, многие годы снабжавший крепость питьевой водой из источника, находящегося в десяти километрах от нее.

Одна из наиболее выдающихся архитектурных достопримечательностей Гирокастры – рынок. Первоначально он размещался около крепости, а в начале XVII века был перенесен на участок, занимаемый сейчас новым рынком, датированным концом XIX века. Архитектура рынка отличается удивительной гармонией, поражающей и сегодня.

В городе немало культовых построек, в основном очень простых и потому ничем не нарушающих его спокойной строгости, многоликости и в то же время удивительной цельности. Жилым зданиям присущи сила и величие, почти всегда смягченные красотой тонких деталей. Несмотря на продиктованные особенностями окружения ограничения, жилые здания Гирокастры обычно богато декорированы и являются воплощением смелой фантазии албанских мастеров, проектировавших и создававших эти дома с учетом потребностей их владельцев.

Различаются три основных стиля жилых домов. Появление первого из них, наиболее изысканного, относится к началу XVIII века. Расцвета своего он достигает в 1800–1830 годы, когда были созданы лучшие образцы. Без сомнения это был период высшей зрелости градостроительства. Во второй половине века наступает период, отмеченный заметными изменениями (ощущаемыми и сегодня), связанными с появлением и ростом национальной буржуазии.

Дома Гирокастры по большей части двухэтажные, иногда трехэтажные (полностью или частично); они отличаются компактностью и динамикой. Расположение на крутом склоне во многом ограничивало архитекторов

и вместе с тем определило некоторые особенности зданий. Так, вертикали домов повторяют неровные контуры горы. Еще одна характерная черта – функциональное оформление интерьера, в котором строго определено место каждой детали. Комната – основная единица дома. Комнаты оформлены по-разному, в зависимости от того, какую функцию они выполняют в жизни семьи. Однако самой нарядной обычно является комната для гостей, часто богато орнаментированная деревянной резьбой, росписями и лепниной, что придает уютному помещению некоторую торжественность.

По контрасту с нарядными и даже изысканными интерьерами, снаружи дома отличаются строгостью, массивностью и динамической силой. Но больше всего в них поражает тщательная продуманность и соразмерность всех элементов и деталей – от основания здания до верхнего этажа, украшенного по фасаду яркими фресками, контрастирующими с простотой каменной кладки нижнего этажа.

Отвесно поднимающиеся стены и многочисленные бойницы свидетельствуют о том, что дома в Гирокастре служили укреплениями, ведь во времена, когда они строились, им надлежало быть не только удобным и практичным жилищем, но и защитой от нападения извне. Все эти многообразные типы зданий создавались на протяжении столетий талантливыми мастерами, чей творческий гений постоянно опирался на опыт их предшественников.

В соответствии со специальным постановлением властей, Гирокастра и Берат получили статус городо-музеев и были взяты под охрану государства, благодаря чему появилась возможность проведения научно-исследовательских и реставрационных работ. Эти постановления, направленные на защиту подобных городских центров и организацию управления ими, облегчили решение многих технических и научных проблем, а также такого сложного вопроса, как интегрирование их в современную жизнь. Город-музей поделен на исторический центр и свободную территорию. В историческом центре, куда входят «музейная» и «охраняемая» зоны, сосредоточены наиболее интересные памятники. В зависимости от ценности они поделены на две категории: самые характерные и значительные в художественном плане относятся к первой категории и сохраняются целиком, тогда как в зданиях второй категории сохраняется лишь фасад.

После того как государство взяло Гирокастру под свою охрану, была поставлена большая и сложная задача реконструкции всего города как единого целого. Эта

работа была поручена Управлению памятников культуры, являющемуся местным филиалом Национального института исторических памятников. На основании исследований, проведенных специалистами в разных областях, Управление организует реставрационные и ремонтные работы во всем городе, возглавляет их, осуществляет методическое и научное руководство, привлекает лучших архитекторов и художников.

Выполнение подобного рода работы в условиях повседневной жизни города сопряжено с большими трудностями. Ко всеобщему удовлетворению, они в основном преодолеваются путем приспособления памятников второй категории (а их большинство) для нужд города – в качестве муниципальных зданий общественного и культурного характера. Например, несколько домов второй категории заняла поликлиника, и этот опыт оказался на

редкость удачным. К зданиям первой категории, представляющим наибольшую историческую ценность, относятся особенно бережно. В течение ряда лет велась работа в крепости, где организован национальный военный музей. Отданы под музеи и некоторые другие дома первой категории. Так, несколько исторических зданий занял музей Топулли; на части территории старого рынка создали культурный центр; еще в одном из домов устроен Народный музей округа Гирокастра и т. д.

Цель подобных акций, обычно трудновыполнимых и требующих огромных средств, не ограничивается реставрацией памятников прошлого и поддержанием их затем в соответствующем виде. Современным архитекторам и градостроителям они дают возможность расширить знания о нашем прошлом и учиться на лучших образцах национального архитектурного наследия. Публикации, посвященные этим работам, способствуют просвещению детей и молодежи, открывая им доступ к знаниям в данной области.

Превращение Гирокастры в город-музей, достойный ее великолепного архитектурного наследия – нелегкая задача. Однако сейчас, через тридцать лет после начала столь грандиозной акции, мы можем, наконец, сказать, что поставленная цель достигнута. Но работа продолжается: мы должны заботливо оберегать этот живой музей, чтобы с каждым днем он становился все совершеннее. ■

Фотография предоставлена автором

Дом XIX века в Гирокастре.

Возвращение культурных ценностей

Предметы, вывезенные военнослужащими США, возвращены Германии и Австрии

Сообщение редакции журнала "Museum"

Полемика, поводом для которой послужил отказ проживающих в Техасе наследников одного из военнослужащих, принимавших участие во второй мировой войне, вернуть Германии рукописи из Кведлинбурга, видимо, оказала определенное положительное воздействие.

Два сообщения, опубликованные в октябре 1990 года в американских газетах, свидетельствуют, что история с рукописями из Кведлинбурга повлияла на другие подобные дела, касающиеся возвращения произведений искусства, вывезенных из Европы во время второй мировой войны.

Согласно сообщению Сюзан Стерн (газета «Трибьюн», Окленд, Калифорния, 19 октября 1990 года), житель Нью-Джерси, бывший военнослужащий оккупационных войск в Германии, возвратил подлинный документ, написанный на пергаменте, германским властям. В конце второй мировой войны Камерон Андерсон (сейчас ему 64 года) находился в Германии, откуда и послал этот пергамент в письме к своей матери в качестве «маленького военного трофея». После ее смерти в 1971 году он обнаружил документ и окантовал его, чтобы сохранить как память. Прочитав в газете «Нью-Йорк Таймс» о сокровищах искусства из Кведлинбурга, Андерсон встретился со специалистом из Библиотеки Пирпонта Моргана в Нью-Йорке Уильямом Вельке, о котором упоминалось в статьях, и узнал, что во время войны документ находился в немецких архивах. Андерсон связался с немецкими властями, и они организовали его приезд в Нюрнберг, с тем чтобы он мог лично передать им документ.

Хотя документ еще не получил своей оценки, Камерон Андерсон, вначале беспокоившийся, не привлекут ли его к юридической ответственности за владение похищенной собственностью, заявил: «Я думаю, что сделал верный шаг, который должен побудить и других людей вернуть вещи, вывезенные ими во время второй мировой войны».

Примерно в то же время Калифорнийский университет

в Беркли (США) вернул ценные рукописи Моцарта, Шуберта и Гайдна монастырю Кремсмунстер в Австрии, откуда они были похищены во время второй мировой войны одним американским военнослужащим.

В газете «Форт Уорт Стар-Телеграм» от 5 октября 1990 года рассказывалось, что в 1976 году в музыкальную библиотеку Университета в Беркли пришел некий человек, тюремный надзиратель, и предложил купить у него восемнадцать рукописей, вывезенных его родственником из Европы после войны. Бывший в то время заведующим библиотекой профессор Эмерсон уговорил его продать рукописи, реальная стоимость которых составляет несколько десятков тысяч долларов, всего за 1400 долларов.

Преподаватели кафедры музыки, а также исследователи пользовались рукописями вплоть до 1988 года, когда выяснилось, что они краденые. Это обнаружилось совершенно случайно: опубликованный каталог коллекции вокальных рукописей, относящихся к периоду до 1900 года, попал к отцу Мандорферу, ведающему музыкальными архивами монастыря Кремсмунстер. Отец Мандорфер написал в Беркли, и после изучения дела установили, что рукописи были украдены из монастыря, в музыкальной библиотеке которого в 1945 году размещалась казарма американских солдат.

Состоялась короткая церемония передачи рукописей консулу Австрии. В статье приведены слова теперешнего заведующего музыкальной библиотекой в Беркли г-на Робертса: «Я рад, что мы возвращаем их обратно... В деле с похищенными кведлинбургскими сокровищами США выглядели некрасиво. В данном же случае американцы повели себя достойно».

Читателям будет интересно узнать, что в номере журнала «Museum», который будет посвящен теме «Музеи, война и мир», мы расскажем о современном состоянии и перспективах решения проблем, связанных с вооруженными конфликтами, наследием и музеями. ■

Откровенный разговор

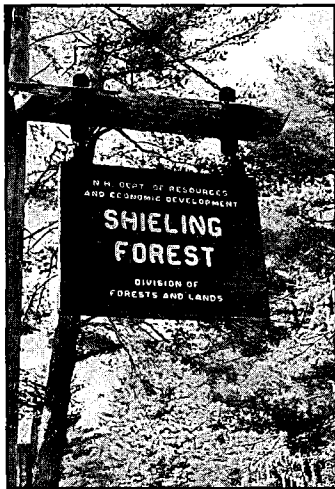
Городской лес Шилинг в Нью-Хэмпшире

Элизабет Йейтс
(Elizabeth Yates)

На первый взгляд, в названии «городской лесной центр» заключено противоречие. Автор данной статьи объясняет, почему противоречия нет, и рассказывает о том, как частное владение было превращено в общественное достояние. Элизабет Йейтс — автор многих книг и обладатель семи почетных титулов — подарила штату Нью-Хэмпшир (США) свой городской лес Шилинг.

Двести лет тому назад Нью-Хэмпшир был сельскохозяйственным штатом. В те далекие дни произраставшие здесь огромные деревья использовали для строительства домов, мостов и дорог. На лугах и пастбищах паслись коровы и овцы. Но почва была скудной, усеянной камнями, и когда на западе открыли хорошие земли, фермеры переселились туда. На оставленных ими участках постепенно выросли новые деревья, занявшие вскоре всю территорию вокруг городов и деревень. Сельское хозяйство сменилось лесоводством.

Пятьдесят лет тому назад, когда мой муж и я приехали в Нью-Хэмпшир, чтобы поселиться в небольшом городке Питерборо, нам показали находящуюся в миле от города старую ферму, куда вела хорошая дорога. Кругом простирались луга, расположенные на месте бывших пастбищ, их пересекал ручей, а на высоком склоне росли деревья. Дом был старый, но крепкий; сохранился и столь необходимый когда-то хлев. Это место и стало нашим домом. Мы назвали его Шилинг, что в переводе с шотландского означает «Приют». Тогда мы и не предполагали, насколько подходящим окажется выбранное название. Поля открывали перед нами свои просторы, роща манила романтикой, а ручей весной превращался в поток, летом нежно журчал, зимой струился медленно, словно замерзая, но никогда не прекращал своего движения с холмов к реке. Занимавший пятьдесят гектаров лес был смешанным: в нем росли сосны, дубы и буки, а также множество кленов, из сока которых за сезон получали несколько сот галлонов кленового сиропа. Дважды, с интервалами в двадцать лет, мы проводили выборочную рубку, в результате чего оставшиеся деревья росли особенно хорошо.

© Elizabeth Yates

© Elizabeth Yates

Ручей в конце лета.

Мы полюбили Шилинг за радость, которую он дарил нам и нашим друзьям. Однако прошедшие пятьдесят лет многое изменили, и нам стало ясно, что необходимо как-то защитить наше владение, чтобы сохранить присущий ему особый характер. Нам хотелось, чтобы оно использовалось если и не в полном соответствии с его первоначальным предназначением, то все же близко к тому. Мы разрабатывали эту идею вместе с мужем, и хотя он умер, не дождавшись ее воплощения, в нем нашло отражение и его видение.

«...глубокий и непреходящий интерес»

Я слышала раньше о городских лесных центрах, и мне казалось, что в самом их названии заключено противоречие. Однако теперь я понимаю: речь идет о лесной зоне, расположенной на краю растущего жилого массива. Цивилизация может, развиваясь, приближаться к лесу, но он обязательно должен быть сохранен. Мы мало задумывались о характерных особенностях Шилинга, но он отвечал требованиям, предъявляемым к таким центрам. В первую очередь следует отметить, что хотя лес был вторичным, его сильные и здоровые деревья давали пищу и кров живой природе и отдохновение всему окружающему. Было в Шилинге и многое другое: огромные валуны, ручей, остатки кирпичного завода, некогда поставившего большую часть кирпича для первых домов Питерборо, гранитный карьер, где добывались массивные блоки, использовавшиеся для нужд города. Мне необходим был совет, как сохранить все это богатство, и я получила его от моего адвоката, а также от других людей, которых волновала судьба нашего владения. Так возникло решение передать Шилинг в дар государству.

Началось юридическое оформление. Работа шла в тесном контакте со специальным уполномоченным Департамента ресурсов и экономического развития Джорджем Гиллманом, государственным лесничим Теодором Нэтти и с Лоуренсом Ратбуном из Общества защиты лесов Нью-Хэмпшира. В марте 1980 года Хью Галлен, губернатор штата, принял Шилинг как дар штату Нью-Хэмпшир. Мы всегда считали наше владение небольшой рощей, но оно получило статус леса. Рощей может быть любая группа деревьев, тогда как лес — это место, предназначенное для определенных целей. Теперь Шилинг должен был не только приносить всем радость, но и служить примером того, как надо правильно использовать землю и применять принципы консервации.

Я убедилась в том, что язык юридических документов может быть не лишен благородства. Меня до глубины души тронули слова постановления губернатора и совета штата, и хотя речь шла обо мне, за ними словно стояла память о моем муже и нашей общей мечте:

...она всегда беспокоилась о сохранении богатств наших лесов и земли, особенно маленьких частных владений, составляющих более 60 процентов территории штата. Она личным примером показала, как можно добиться

того, чтобы такой небольшой участок служил и практически, и эстетическим целям, и ей хочется, чтобы так же использовали ее владение в Питерборо будущие поколения.

Этот дар дал мне статус жертвователя, но я сама получила такую радость и удовлетворение, словно подарок сделали мне.

В дополнение к дару я выделила средства на содержание леса Шилинг, для чего был создан находящийся в ведении нью-хэмпширского фонда милосердия специальный попечительский фонд. Его исходный капитал составил двести тысяч долларов. Проценты должны были пойти на уход за участком и выполнение программ. Благодаря умелому ведению дел и поступающим иногда вкладам первоначальная сумма удвоилась.

После того как штат вступил в права владельца поместья, было проведено тщательное обследование леса Шилинг и сделаны точные обмеры (при выполнении работ использовали старые документы). Затем голубой краской, нанесенной на деревья, каменные стены и скалы, отметили границы участка. Тропы были обозначены белыми знаками на деревьях и деревянными столбами, на которых написали соответствующие основным ориентирам названия, такие, как «Валуны», «Цветок», «Дерево», «Гребень горы», «Берег ручья». Подновили мостики через ручей, а затем пришел черед хлеба. Построенный в 1810 году, он был еще очень прочным, и, убрав из него стойла и опоры, умелые руки превратили его в лесной учебный центр. Здесь есть зал заседаний, экспозиционная зона, библиотека, кухня, прочие удобства, что дает возможность организовывать семинары и лекции, часто с показом диапозитивов. Характер занятий и иных мероприятий зависит от времени года, но проводятся они в любую погоду — и в дождь, и когда ясно. Они начинаются в помещении Центра и часто завершаются прогулкой по лесу. Темы занятий самые разные: породы деревьев, съедобные растения, виды почв, строение земли, уход за лесом. Сообщения об их проведении рассылаются по почте или публикуются в печати.

«Он принадлежит всем нам»

Люди, впервые пришедшие в Шилинг и пожелавшие осматривать его самостоятельно, могут воспользоваться предоставляемым им путеводителем. На границе леса и луга растет великолепное тутовое дерево — свидетельство того, что много лет назад здесь занимались шелковичным промыслом (правда, не слишком успешно). Весной дерево распускается поздно, а осенью его широкие зеленые листья становятся бледножелтыми и оно долго не сбрасывает их. Тутовое дерево привлекает птиц своими белыми ягодами, а людей манит углубиться в лес. От него тропа ведет по спускающимся вниз гранитным ступеням мимо группы красных сосен к мосту через ручей (если на дворе ранняя весна и плотва собирается метать икру, то ручей кишит рыбой). Затем, пройдя мимо множества кленов и через живую изгородь

болиголова, попадаешь к массивным валунам, где можно проводить тренировки по скалолазанию. В какой-то точке тропа соединяется со старой лесной дорогой, а дальше идет через карьер и небольшой живописный участок, где клуб садоводов Питерборо создает лесной сад с множеством различных видов местных цветов и папоротников, названия которых можно прочесть на маленьких, размещенных у самой земли табличках. Далее мимо остатков строений старого кирпичного завода тропа ведет еще к одному мосту, взбирается на холм, выходит в открытое поле и снова возвращается к зданию Центра. Человек, идущий по этому маршруту, преодолевает четыре-пять миль, а то и больше, если он выбирает боковые тропы.

В ветреный день на лугу можно запустить змея. Здесь с удовольствием играют дети и резвятся собаки. У каменной стены есть уютные местечки для семейного пикника. «Он принадлежит всем нам», — ветер часто доносит до меня эту фразу, которую я воспринимаю с глубоким чувством благодарности за то, что Шилинг — сравнительно небольшой участок — может дать так много, требуя взамен всего лишь внимание и признательность.

Уход за парком приходится осуществлять постоянно, ведь буря может повалить дерево, какой-то участок тропы может стать опасным. Соответствующие работы проводятся здесь лесниками, но лес и сам заботится о себе. Насколько позволяют средства, разрабатываются планы на будущее: создание нового маршрута, небольшого амфитеатра в дальнем конце луга, вырубка и распиловка старых деревьев, установка новых столиков для пикника в красивых местах, но — никаких мусорных ящиков. Необходимо дать людям возможность самим освоить основы бережного отношения к лесу, что так хорошо удается детям. Как-то после одного из первых посещений леса школьной группой в сопровождении лесника я со своей собакой прошла по их маршруту. Они не оставили нигде даже обертки от жевательной резинки. Когда я заговорила об этом с дежурным лесником, он улыбнулся, словно извиняясь за мою неосведомленность: «Прежде чем они отправились по маршруту, их предупредили, что все принесенное ими в лес они же должны и унести. А карманы на что?»

Маршруты на все вкусы и возрасты

Вот что говорит о роли деревьев Дж. Б. Каллен из Управления лесов и земель:

Леса приносят много доброго и полезного все большему числу жителей Нью-Хэмпшира и его гостей. Это приятная среда для отдыха людей на открытом воздухе, крайне необходимая естественная среда обитания рыб, птиц и диких животных и в то же время — гигантская губка, очищающая наши водные ресурсы. Уход за лесом — очень сложное дело. По мере роста населения штата все большую остроту приобретает проблема удов-

летворения потребностей людей в лесных массивах и водных просторах, используемых как рекреационные зоны, а также проблема сохранения живой природы. Мы нуждаемся в гражданах, осознающих (или желающих осознать) роль наших лесов в экономике штата и сложность проблем лесного хозяйства. Шилинг должен служить для будущих поколений примером надлежащего использования леса и учебным центром по практическому лесоводству.

Я попросила поделиться своими соображениями троих из числа многих людей, проходящих в Шилинг. Один из них — учитель, ушедший на пенсию, но продолжающий познавать мир, — говорил о том, что маршруты Шилинга с их мягкими спусками и крутыми откосами отвечают всем вкусам и возрастам:

Прыгающие белки, хитрая лиса, шаловливая выдра, долбящий старое дерево дятел — все это часть наших впечатлений. Шилинг оправдывает свое название: это приют для всех форм жизни — человека, животного, растения.

Служащая хосписа начинает свой день с утренней прогулки по лесу, потому что для нее он

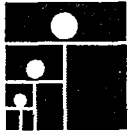
тихое место, где забываешь о времени и делах, погружаясь в таинство бытия. Это дар для всех и в то же время — для меня одной, в такой же мере личный, как и общественный. Кажется, что величественные и неподвижные валуны хранят в себе тайну веков и самой земли. Пение птиц напоминает мне о связи с окружающим миром, а мелодия ручья зовет вернуться к реальной жизни — отдохнувшую и готовую встретиться с тем, что принесет мне день.

Неторопливо шагая, адвокат, совершающий ежедневную прогулку по лесу Шилинг, говорил мне о нем с величайшей нежностью:

С тех пор как Шилинг открылся для публики, у меня сложилась привычка в любое время года, в любую погоду бродить по этому райскому уголку, удивляясь и восхищаясь им. Прислушиваясь к звукам и наблюдая за жизнью природы, я переживаю некое освежающее меня умиротворение духа. Здесь я могут общаться с деревьями, более благородными, чем люди, ощутить, что красота весеннего цветения «короче, чем девичья», и может быть унесена громовым дождем, заставляющим лес исполнять какой-то тревожный танец. Как-то осенним утром, после ветреной ночи, я был поражен красотой лесных дорожек и ручья в ярких узорах из нанесенных ветром листьев. Когда же зима торжественно покрывает деревья белой мантией, я надеваю теплую обувь и спешу проложить в снегу свою тропу. Тем, кто внимателен к лесу Шилинг, он всегда открывает что-то новое и удивительное.

Итак: лес сам говорит о том, чем он является и кому нужен. ■

Хроника ВФДМ

Краткое сообщение: Друзья музеев в СИМЭ

«Путешествие в удивительный мир музеев» – под этим девизом открыл свои двери для Друзей музеев Третий международный салон музеев и выставок (СИМЭ), проходивший в Париже с 12 по 20 января 1992 года.

Салон, состоявший из трех разделов (коллекции, издательская деятельность, музейное оборудование и услуги), предоставил редкую возможность для организации различных международных встреч и стал идеальным местом проведения дискуссий по наиболее актуальным музейным проблемам.

Друзья музеев, которых представляли Французская федерация, объединяющая 258 ассоциаций, и Всемирная федерация друзей музеев (ВФДМ), насчитывающая ныне более шестисот тысяч членов, смогли установить контакты с представителями Чехо-Словакии, Румынии и Словении, впервые принимавшими участие в работе Салона.

Эта встреча на европейском уровне, проведенная по инициативе Французской федерации, способствовала укреплению связей между европейскими музеями с помощью публики и ассоциаций друзей музеев. ■

Приглашаем к сотрудничеству

Редакция журнала "Museum" принимает любые рекомендации и статьи на разные темы, представляющие интерес для международного музейного сообщества. С предложениями статей или тем, объединяющих группы статей, просим обращаться к главному редактору журнала по адресу: "Museum", UNESCO, 1 rue Miollis, 75015 Paris (France). Ответим незамедлительно!

От тигров – к народу Раджастхана

Сообщение редакции журнала "Museum"

Не являясь в строгом смысле слова музеем под открытым небом, Национальный парк Рантамбхор в Раджастхане (северо-восточная Индия) тем не менее заинтересует читателей настоящего выпуска. Посвященная ему статья основана на информации, любезно предоставленной Обществом Рантамбхора, международной организацией специалистов, созданной в ответ на настоятельные просьбы деревенских жителей, а также консерваторов, натуралистов и других лиц, связанных с охраной окружающей среды.

Тысячелетняя крепость Рантамбхор стоит, словно молчаливый свидетель беспокойного прошлого. Сегодня ее руины возвышаются над Национальным парком Рантамбхор, девственным лесом в засушливой зоне, изобилующим дикими животными и являющимся одним из лучших в мире мест обитания тигров. Герцог Эдинбургский вспоминает: «Национальный парк Рантамбхор был одной из наиболее значительных охраняемых зон, созданных в 1973 году в рамках программы *Тигр*, инициаторами и спонсорами которой выступили совместно правительство Индии и Всемирный фонд дикой природы (WWF)».

В начале восьмидесятых годов, благодаря энергичным действиям природоохранителей и великолепно организованной работе по охране тигров, привычки этого обычно неуло-

вимого ночного хищника изменились, в результате чего жизнь тигра открылась с новой стороны. Некоторые поразительные особенности тигра впервые проявились именно в заповеднике. Однако в последние несколько лет многие районы Индии страдали от постоянных засух. Увеличение численности домашнего скота, а также резкое сокращение запасов питьевой воды и кормов привели к ухудшению обстановки в зонах обитания диких зверей субконтинента.

На положение в этой области оказывает влияние и тот факт, что население Индии составляет 870 миллионов человек. Его рост неуклонно ухудшает состояние окружающей среды и приводит к сокращению естественных ресурсов, что негативно сказывается на жизни каждого человека. Особенно тяжелая ситуа-

© Ranthambhore Society, Leatherhead (United Kingdom)

*Молодой тигр в
Национальном парке
Рантамбхор.*

ция складывается в тех районах, где люди зависят от сельского хозяйства.

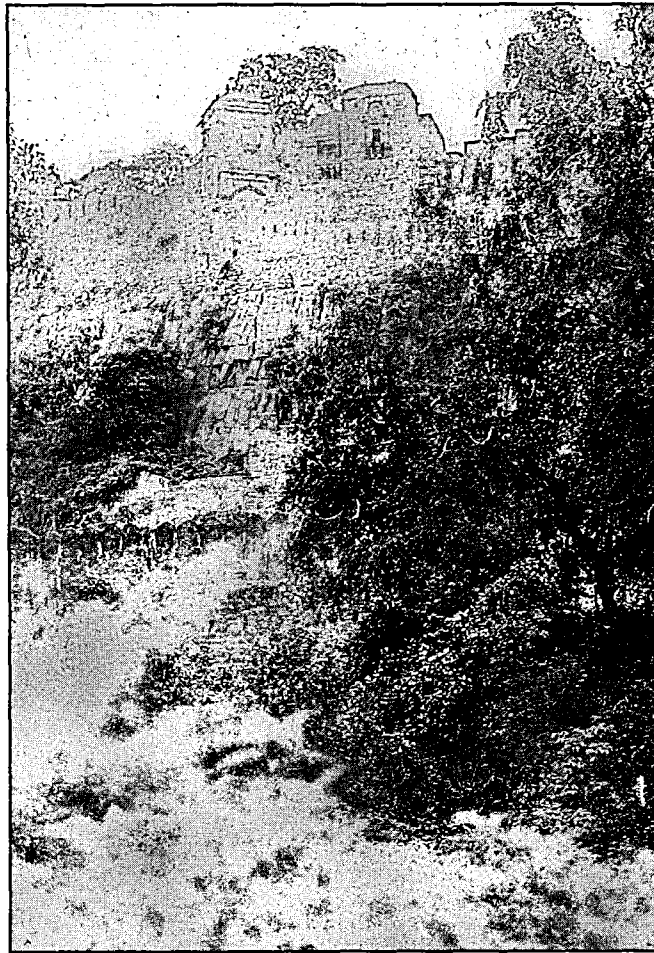
Герцог Эдинбургский отмечал, что «по мере усиления влияния такого фактора, как рост народонаселения и увеличение потребности в сельскохозяйственных угодьях, становится все более важным обеспечить защиту уникальной экосистемы Национального парка Рантамбхор».

На территории парка проживает около сорока тысяч человек. Условия их существования действительно ухудшились. Напряженные отношения установились у них с сотрудниками парка, обязанными охранять его флору и фауну от голодных скотоводов и лесорубов. Результаты подобной конфронтации поистине ужасны.

Однако одновременно появилось понимание того, что, как сказал индийский натуралист, исполнительный директор Фонда Рантамбхор Валмик Тхапар, «если жизнь живой природы будет сохранена, человек и природа обретут гармоническое равновесие, поскольку они не могут существовать друг без друга».

В Национальном парке Рантамбхор, таким образом, возникла новая концепция консервации, предусматривающая охрану живой природы с учетом экономического и социального развития людей. Сейчас самая неотложная задача состоит в том, чтобы добиться осознания значения леса для местных жителей и не допустить превращения земли в полупустыню. Осуществляются конкретные действия, направленные на стимулирование сотрудничества с местными общинами, а именно:

1. Мобильный проект профилактики здоровья и планирования семьи.
2. Рассчитанные на женщин про-

© Ranthambhore Society, Leatherhead (United Kingdom)

Часть форта
Раджпут
(XI век).

граммы, предусматривающие обучение их ремеслам и помощь в организации деятельности, обеспечивающей доход.

3. Просветительные программы, направленные на развитие понимания детьми и молодежью значения консервации, а также жизненной важности связей между людьми и окружающей средой.
4. Проект посадки лесов как важный элемент программы подъема и поддержания уровня грунтовых вод и очищения воздушной среды.
5. Поощрение стойлового содержания рогатого скота и улучшение его условий, а также развитие альтернативного производства

кормов, что призвано помешать незаконному использованию пастбищ.

6. Введение улучшенной системы приготовления пищи с помощью бездымных печей, что позволит уменьшить риск для здоровья и наполовину сократить потребление дров; там, где есть возможность, использование биогазовой энергии растений как альтернативного источника энергии.

Более подробную информацию читатели могут получить, обратившись в Общество Рантамбхор по адресу: The Ranthambhore Society, "Grantchester", Linden Gardens, Leatherhead, Surrey KT22 7NB (United Kingdom). Tel. (0372) 372026. ■

Музеи-побратимы в Алжире и Венгрии

Мохамед Бентабет
(Mohamed Bentabet)

Музеи-побратимы... Эта идея, несомненно, заслуживает внимания, поскольку тесные связи с музеем другой страны позволяют внести разнообразие в показ культур в музеях народного искусства. Мохамед Бентабет, директор Национального музея народного искусства и традиций в городе Алжире, рассказывает, сколь плодотворным может быть такое сотрудничество.

После нескольких экспериментов по осуществлению интерактивных связей с алжирской публикой Музей народного искусства и традиций начал искать возможности осуществления более широкого культурного и технического обмена с музеями других стран. В июле 1990 года было подписано соглашение между директором музея в Алжире и директором будапештского музея Хоффманом Тамашем. Соглашение прежде всего предусматривало программу обмена выставками, в соответствии с которой уже в ноябре 1991 года в Будапеште экспонировалась коллекция алжирской вышивки; она сопровождалась «демонстрацией мод», ознакомившей посетителей с традиционным алжирским костюмом. В свою очередь на выставке, организованной в Алжи-

ре, было показано европейское ювелирное искусство из венгерского Этнографического музея. Алжирский Музей народного искусства и традиций взял на себя создание в помещении будапештского музея постоянной экспозиции дома кабиллов (включая мебель, утварь, костюмы, сельскохозяйственный инвентарь), а также организацию поездки по Алжиру трех венгерских специалистов для съемки тридцатиминутного документального фильма о жизни и обычаях кабиллов.

Венгерский музей со своей стороны обязался оказать помощь технического характера, прислать необходимое оборудование для реставрационной мастерской и четырнадцать манекенов, а также обеспечить подготовку двух реставраторов. ■

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

В настоящее время Всемирная федерация друзей музеев объединяет более 650 тысяч человек. Статьи основного раздела очередного номера журнала "Museum" расскажут о многообразной деятельности членов этой организации в разных странах мира — от работы в магазинах при музеях до финансирования реставрационных работ, приобретения для музеев ценных произведений искусства и даже создания новых музеев. Кроме того, читатели узнают о том, какие усилия предпринимает музей в Йоханнесбурге, чтобы соответствовать новому времени, а также познакомятся с ветряными мельницами-музеями.

Журнал "ILVS Review" — новый международный инструмент изучения поведения посетителей музеев и эффективности экспозиций.

Хотите узнать, насколько эффективно воздействие на посетителей экспозиций и просветительных программ? Если да, то вас, несомненно, заинтересуют публикации Международной лаборатории по изучению посетителей музеев (некоммерческой организации, находящейся в США).

Ее основной орган — журнал "ILVS Review — A Journal of Visitor Behaviour", выходящий с 1988 года на английском языке два раза в год. Журнал редактируют профессор К. Г. Сктивен и Х. Шеттел. Это единственный журнал, который рецензируется специалистами и целиком посвящен вопросам поведения посетителей музеев и коммуникации. Темы, освещаемые в журнале видными специалистами из разных стран, необычайно широки: от методов оценки или дизайна этикетажа до методов преподавания естественных наук, поведения людей в художественных музеях, применения последних достижений компьютерной техники для оформления выставок и исследования эффективности экспозиций.

Дополнением к журналу может служить ежегодно обновляемый справочник "Visitors Studies Bibliography and Abstracts".

Информацию о подписке и бланки можно получить по адресу:
International Laboratory
for Visitors Studies,
Psychology Dept. GAR 138,
University of Wisconsin,
PO Box 413,
Milwaukee, WI 53201, USA.
Факс (414) 229-6329

"Museum Development" — НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

"Museum Development" — ежемесечный журнал на английском языке, издаваемый в Великобритании с октября 1989 года. У него редкая и весьма важная направленность: он знакомит музеи со способами получения дополнительного дохода. Журнал распространяется в двадцати странах. В нем освещаются такие темы, как источники финансирования, программы для привлечения друзей музеев, спонсорство, магазины в музеях, организация общественного питания, реставрационные услуги, издательская деятельность, туристические программы, ведение дел, содержание зданий, аренда помещений, лицензирование.

Стоимость годовой подписки на журнал "Museum Development" (12 номеров) — 90 фунтов стерлингов в Великобритании и 120 фунтов стерлингов за ее пределами. Дополнительную информацию можно получить по адресу:

The Museum Development
Company Ltd,
Premier Suites, Exchange House,
494 Midsummer Boulevard,
Central Milton Keynes MK9 2EA,
United Kingdom.

Телефон 0908 690880
Факс 0908 670013

Эти рекламные сообщения публикуются на основе обмена с журналом "Museum" и не требуют утверждения ЮНЕСКО.

